

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. САВОДНИКА.

Выпускъ 6-й.

**ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ
СО СМЕРТИ ПУШКИНА.**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмаковыхъ,
Москва — Петроградъ — Казань.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. Саводника.

Выпускъ 6-й.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ
СО СМЕРТИ ПУШКИНА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1915.

Вошедшая въ настоящій выпускъ статья: «Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина» принадлежитъ къ числу тѣхъ «начатыхъ, но неконченныхъ *курсовъ* о русской литературѣ», по выраженію самого Апол. Григорьева, которыя чрезвычайно характерны для его критической дѣятельности и для его литературныхъ пріемовъ. Тема въ ней поставлена очень широко, но, какъ это нерѣдко случалось съ Григорьевымъ, онъ не довель начатаго дѣла до конца, ограничившись только характеристикой ближайшихъ преемниковъ Пушкина—Гоголя и Лермонтова, а въ связи съ послѣднимъ затронувъ также и общій вопросъ о русскомъ романтизмѣ 30-хъ годовъ. Что касается до дальнѣйшаго развитія русской литературы въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ XIX вѣка, то этого періода Григорьевъ коснулся въ своихъ критическихъ статьяхъ о Тургеневѣ, напечатанныхъ въ томъ же «Русскомъ Словѣ» 1859 года и представляющихъ, такимъ образомъ, какъ бы непосредственное продолженіе начатаго имъ «курса» (см. выпускъ 10-й настоящаго изданія).

Особенно цѣнны въ печатаемой ниже статьѣ страницы, посвященныя Пушкину. На этихъ страницахъ, написанныхъ съ тѣмъ воодушевленіемъ и той проникательностью, которыя даются только искренней и глубокой любовью къ предмету, мы находимъ какъ общее опредѣленіе сущности Пушкинскаго гѣнія и національнаго значенія его творчества, такъ и рядъ отдѣльныхъ замѣчаній, касающихся различныхъ сторонъ дѣятельности нашего великаго поэта. Въ Пушкинѣ и въ его художественномъ творествѣ Апол. Григорьевъ видѣлъ ключъ къ пониманію всей русской литературы, поскольку она является откровеніемъ и воплощеніемъ русскаго народнаго духа: въ Пушкинѣ, по его мнѣнію, достигло своего сознанія и художественнаго выраженія

то особенное, *типовое*, что составляет характерный признак русской природы, русского склада, что определяет собою особенность русского национального строя мыслей и чувствъ. Замѣчанія, которыя дѣлаетъ по этому поводу Григорьевъ, до сихъ поръ сохраняютъ непререкаемую цѣнность и свидѣтельствуютъ о мѣткости его взгляда и глубинѣ критическаго пониманія.

В. С.

I. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина ¹⁾.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Пушкинъ.—Грибоѣдовъ.—Гоголь.—Лермонтовъ.

I.

Въ 1834 году въ одномъ изъ московскихъ журналовъ, пользовавшемся весьма небольшимъ успѣхомъ, но въ замѣнъ того отличавшемся серьезностью взгляда и тона, впервые появилось съ особенною яркостію имя, которому суждено было долго играть истинно-путеводную роль въ нашей литературѣ. Въ „Молвѣ“, издававшейся при „Телескопѣ“ Надеждина, появлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ статьи подъ названіемъ: „Литературныя мечтанія“. Эти статьи изумляли невольно своей беспощадной и вмѣстѣ наивной смѣлостію, жаромъ глубокаго и внутри души выросшаго убѣжденія, прямымъ и нецеремоннымъ поставленіемъ вопросовъ, наконецъ, тою видимою молодостію энергіи, которая дорога даже и тогда, когда впадаетъ въ ошибки, дорога потому, что самыя ошибки ея происходятъ отъ пламеннаго стремленія къ правдѣ и добру. „Мечтанія“ такъ и дышали вѣрою въ эти стремленія и не щадили никакого кумиро-поклоненія, во имя идеаловъ разбивали простѣйшимъ образомъ всякіе авторитеты, не подходившіе подъ мѣрку идеаловъ. Въ нихъ выразилось первое сознательное *чувство* нашей критики—я говорю *чувство*, а не *взглядъ*—ибо въ нихъ все было чувство. Такъ какъ по общему органическому закону мірозданія ни одна мысль не является въ стройной формѣ,

1) „Русское Слово“, 1859 г., №№ 2 и 3:

не пройдя напередъ нѣсколько формъ, такъ сказать, допотопныхъ, то и „Литературнымъ мечтаніямъ“ Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго (подъ ними подписался онъ еще такимъ образомъ:— „онъ . . . инскій. Чембаръ. 1834 г. Дек. 12 дня“,—но все молодое поколѣніе знало хорошо имя того, кто такъ смѣло и честно высказалъ то, что жило во всѣхъ, носилось въ воздухѣ эпохи) и „Литературнымъ мечтаніямъ“—говорю я—предшествовали критическіе *диноверіумы* Никодима Надоумки,—смѣлыя, рѣзкія, но неуклюжія и безвкусныя выходки противъ застарѣлыхъ мыслей. . . Но какая разница обличалась съ перваго же раза между дѣятельностію Бѣлинскаго и дѣятельностію Никодима Надоумки! Вся правда и энергія Никодима Аристарховича пропадали даромъ вслѣдствіе семинарскаго безвкусія тона и положительнаго отсутствія чувства изящнаго: всѣ заблужденія и промахи Бѣлинскаго исчезали, сгорали въ его огненной рѣчи, въ огненномъ чувствѣ, въ яркомъ и истинно поэтическомъ пониманіи. И только при такихъ условіяхъ могло пройти столько истинъ, и только при такихъ условіяхъ могло начаться то дѣло, котораго „Литературныя мечтанія“ были первымъ камнемъ.

„Литературныя мечтанія“ ни болѣе ни менѣе какъ ставили на очную ставку всю русскую литературу со временъ реформы Петра,—литературу, въ которой невзыскательные современники и почтительные потомки насчитывали уже нѣсколько геніевъ, которую привыкли уже считать за какое-то *sacrum*,—и развѣ только подчасъ какіе-нибудь пересмѣшники повторяли стихъ старика Вольтера: „*Sacrés ils sont, car personne n'y touche*“. Пересмѣшниковъ благомыслящіе и почтенные люди не слушали, и торжественно раздавались гимны не только Ломоносову и Державину, но даже Хераскову и чуть ли не Николеву; всякое критическое замѣчаніе насчетъ Карамзина считалось святотатствомъ, а геніальность Пушкина надобно было еще отстаивать, а поэзію первыхъ Гоголевскихъ созданій почувствовали еще очень немногіе, и изъ этихъ немногихъ, во-первыхъ, самъ Пушкинъ, а во-вторыхъ, авторъ „Литературныхъ мечтаній“.

Между тѣмъ умственно-общественная ложь была слишкомъ очевидна. Хераскова уже положительно никто не читалъ; Державина читали немногіе, да и то не цѣликомъ; читалась исторія Карамна, но не читались его повѣсти и разсужденія. Сознать эту ложь внутри души могли многіе, но сознательно почувствовать

ее до того, чтобы сознательно и смѣло высказать всѣмъ могъ только призванный человѣкъ, и такимъ-то именно человѣкомъ былъ Виссаріонъ Бѣлинскій.

Дѣло, начатое имъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, было до того смѣло и ново, что чрезъ много лѣтъ потомъ казалось еще болѣе чѣмъ смѣлымъ, — дерзкимъ и разрушительнымъ, — всѣмъ почти-тельнымъ потомкамъ невзыскательныхъ дѣдовъ, что чрезъ много лѣтъ потомъ оно вызывало юридическіе акты въ стихахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ — не поэтъ!

Но страннымъ образомъ начало этого дѣла въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ не возбудило еще ожесточенныхъ криковъ. До этихъ криковъ уже потомъ *додразнилъ* Бѣлинскій своихъ противниковъ, хотя весь онъ съ его пламенною вѣрою въ развитіе вылился въ своемъ юношескомъ произведеніи, хотя множество взглядовъ и мыслей цѣликомъ перешли изъ „Литературныхъ мечтаній“ въ послѣдующую его дѣятельность и хотя, наконецъ, положительно можно сказать, съ этой минуты онъ въ глазахъ всѣхъ насъ, тогдашняго молодого племени, сталъ во главѣ сознательнаго или критическаго движенія.

Въ ту эпоху, которой первымъ сознаниемъ были „Литературныя мечтанія“, кромѣ старыхъ, уже не читаемыхъ, а только вспоминаемыхъ авторитетовъ, былъ еще живой авторитетъ, — Пушкинъ, только что появился почти въ печати Грибоѣдовъ и только-что вышли еще „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. Въ это эпоху, впрочемъ, не Пушкинъ, не Грибоѣдовъ и не „Вечера на хуторѣ“ тревожили умы и внушали всеобщій интересъ. Публика охладѣла на время къ Пушкину, съ жаромъ читала Марлинскаго, добродушно принимала за правду и настоящее дѣло разные историческіе романы, появлявшіеся дюжинами въ мѣсяцъ, съ тайной тревогою прислушивалась къ соблазнительнымъ отголоскамъ юной французской словесности въ разсказахъ барона Брамбеуса — и подъ рукою почитывала переводные романы Поль-де-Кока.

Бѣлинскій былъ слишкомъ живая натура, чтобы не увлечься хоть нѣсколько стремленіями окружавшаго его міра, и впечатлительность его выразилась въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ двумя сторонами: негодованіемъ на тогдашнюю дѣятельность Пушкина и лихорадочнымъ сочувствіемъ къ стремленіямъ молодой француз-

ской литературы. Изъ этихъ сторонъ только первая требуетъ поясненія, вторая въ немъ не нуждается. Бѣлинскій не былъ бы Бѣлинскимъ, не былъ бы гениальнымъ критикомъ, если бы полнымъ сердцемъ не отозвался на все то, что тревожило поколѣнїе, котораго онъ былъ могущественнымъ голосомъ. Чтобы итти впередъ нашего пониманія, онъ долженъ былъ понимать насъ, наши сочувствія и вражды, долженъ былъ пережить поклоненіе Бальзаковскому Феррагусу и Notre Dame В. Гюго. Человѣкъ, гораздо старше его лѣтами и, можетъ быть, пониманіемъ, хотя гораздо слабѣйшій его относительно даровитости, Н. И. Надеждинъ написалъ въ своей статьѣ „Баронъ Брамбеусъ и юная словесность“ нѣсколько страницъ въ защиту этой словесности, въ которой онъ видѣлъ необходимую для человѣчества анатомію; и, безъ всякаго сомнѣнія, подобная защита была и выше и разумнѣе въ свое время пустыхъ насмѣшекъ. *Не сочувствовать* юной словесности имѣлъ тогда право, можетъ быть, только Пушкинъ, ибо въ немъ одномъ такое несочувствіе было прямое, художнически-разумное и чуждое заднихъ мыслей. Его орлиный взглядъ видѣлъ далеко впередъ, такъ далеко, какъ мы и теперь еще, можетъ быть, не видимъ. Остальные, исключая развѣ того немногочисленнаго мыслящаго кружка, котораго представителемъ былъ П. В. Кирѣевскій—авторъ перваго философскаго обзорнїя нашей словесности,—или лукавили въ своемъ несочувствіи или не сочувствовали потому, что давно потеряли способность чему-либо серьезно и душевно сочувствовать, или, наконецъ, въ основу своего несочувствія клали узенькія моральныя сентенціи и, что еще хуже, побужденія вовсе не литературныя. А Бѣлинскій не былъ ни уединеннымъ, строго-логическимъ мыслителемъ, какъ И. В. Кирѣевскій, ни однимъ изъ опекуновъ нравственности и русскаго языка; онъ былъ человѣкъ борьбы и жизни. Всѣ наши сомнѣнія и надежды выносилъ онъ съ своей душѣ—и оттого-то всѣ мы жадно слушали его вулканическую рѣчь, шли за нимъ, какъ за путеводителемъ, въ продолженіе цѣлаго литературнаго періода, до тѣхъ поръ, пока... переворотъ, совершившійся въ художественной дѣятельности Гоголя, не раздѣлилъ всѣхъ мыслящихъ людей на двѣ литературныя партіи.

Но объ этомъ рѣчь впереди. Имя Бѣлинскаго, какъ плюсъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени, которыя мы поставили въ заглавіи статьи,—сплелось съ

ними такъ, что, говоря о нихъ, какъ объ источникахъ современнаго литературнаго движенія, постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ, едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому. И данъ этотъ удѣлъ совершенно по праву. Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду, онъ не усомнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненія взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется, даже онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ, и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто наперекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ, заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ, *никогда* не ошибался. У него былъ ключъ къ *словамъ* его эпохи, и въ груди его жила могущественная и вулканическая сила. Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. У него—теоретики назовутъ это слабостію, а мы великою силою—никогда не достало бы духу развѣнчать во имя теоріи сегодня то, что сознавалъ онъ великимъ и прекраснымъ вчера. Онъ не могъ холодно отвернуться отъ Гоголя, онъ не написалъ бы никогда, что г. N или Z, какъ проводители принциповъ, имѣютъ въ нашей литературѣ значеніе высшее, чѣмъ Пушкинъ.

И между тѣмъ Бѣлинскій началъ свое дѣло тѣмъ, что вмѣстѣ съ толпою горевалъ объ утратѣ прежняго Пушкина, т.-е. Пушкина „Кавказскаго плѣнника“, первыхъ главъ „Онѣгина“ и проч. Какъ объяснить этотъ странный фактъ?.. И прежде всего не говорить ли этотъ фактъ противъ легкости въ перемѣнѣ взглядовъ и убѣжденій, въ которой упрекали Бѣлинскаго его враги? Бѣлинскій слишкомъ глубоко воспринялъ въ себя первую юношескую дѣятельность Пушкина, слишкомъ крѣпко сжился съ нею, чтобы разомъ перейти вмѣстѣ съ поэтомъ въ инныя, высшія сферы. Онъ и перешелъ потомъ, перешелъ искренне, но только тогда, когда

сжился съ этимъ новымъ воздухомъ. Вполнѣ дитя своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его. Чѣмъ дольше боролся онъ съ новою правдою жизни или искусства, тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на поколѣніе, его окружавшее, его обращенія къ новой правдѣ. Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы возвышенное свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни...

Есть нѣчто неотразимо увлекательное въ страницахъ „Литературныхъ мечтаній“, посвященныхъ Пушкину: чувство горячей любви бьетъ изъ нихъ ключомъ; наивность непониманія новыхъ сторонъ поэта идетъ объ руку съ глубокимъ, душою прочувствованнымъ пониманіемъ прежнихъ, и многое, сказанное по поводу этихъ прежнихъ сторонъ никогда, можетъ быть, уже такъ свѣжо и дѣвственно-страстно не скажется!

II.

„Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Одаренный высокимъ поэтическимъ чутьемъ и удивительною способностью принимать и отражать всевозможныя ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань *всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ*, всему, что только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность *вѣковыхъ правилъ, самую мудростію извлеченныхъ изъ писаній великихъ гениевъ* (слова эти—курсивомъ въ оригиналѣ, и относятся къ тогдашнему поклоненію установленнымъ авторитетамъ), и съ удивленіемъ узнавая о другихъ мірахъ мыслей и понятій и новыхъ, неизвѣстныхъ ей до того взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорить, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и другимъ: Байронъ владѣлъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да, Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міру, представителемъ современнаго ему человѣчества, — *но міра русскаго, но человѣчества русскаго*. Что дѣлать? Мы всѣ гении-самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все приобрѣли, веселясь и играя, — словомъ,

Мы всё учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности переходилъ къ суровому труду,

Чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ,

отъ труда опять къ младымъ играмъ, сладкому бездѣлю и легкокрылому похмелью. *Ему недоставало только нѣмецко-художественнаго воспитанія* (?). Баловень природы, онъ, шая и играя, похищаль у ней плѣнительные образы и формы, и, снисходительная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣтами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... Какъ чародѣй, онъ въ одно и то же время исторгаль у насъ и смѣхъ и слезы, играль по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣль—и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ!—и не диво: она еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прислушивалась она къ нимъ: и не диво,—въ нихъ трепетали всѣ нервы ея жизни! Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни изъ растворенныхъ оконъ носились по воздуху эти звуки, *подобные шуму водъ или журчанью ручья*“ (курсивомъ въ оригиналѣ).

„Невозможно обозрѣть всѣхъ его созданій и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечестъ и описать всѣ деревья и цвѣты Армидина сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; *у него по большей части все поэмы*: его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, его „Андрей Шенье“, его могучая бесѣда съ „Моремъ“, его вѣщая дума о „Наполеонѣ“—поэмы. Но самые драгоценные алмазы его поэческаго вѣнка, безъ сомнѣнія, суть „Евгеній Онѣгинъ“ и „Борисъ Годуновъ“. Я никогда не кончилъ бы, если бы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ“.

„Пушкинъ царствовалъ въ литературѣ десять лѣтъ: „Борисъ Годуновъ“ былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній замерли звука его гармонической лиры. Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или, можетъ быть, только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть, онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское „быть или не быть“ скрывается во мглѣ будущаго.

По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ „Анжели“ и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ „Новосельѣ“ и „Библиотекѣ для Чтенія“, мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю. Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось, бывало, то удалое разгулье, то сердечная тоска; гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго груди, эти вспышки остроумія, тонкаго и язвительнаго, этой ироніи, вмѣстѣ злой и тоскливой, которыя поражали умъ своею игрою; гдѣ теперь эти картины жизни и природы, предъ которыми была блѣдна жизнь и природа?... *Увы! вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми римами, съ пѣвическими волюстями, о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно разсуждали архимандритъ Аполлосъ и г. Остолоповъ!..* Странная вещь, непонятная вещь! Неужели Пушкина, котораго не могли убить ни изступленныя похвалы энтузіастовъ, ни сильныя, нерѣдко справедливыя, нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого Пушкина убило „Новоселье“ г. Смирдина?.. *И, однакожь, не будемъ слишкомъ поспѣшны и опрометчивы въ нашихъ заключеніяхъ*; предоставимъ времени рѣшить этотъ запутанный вопросъ. *О Пушкинѣ судить не легко.* Вы, вѣрно, читали его элегію въ октябрьской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“? Вы, вѣрно, были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышетъ это созданіе? Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую характеристику Пушкина, какъ художника:

Порой опять гармоніей упоюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

„Да, я свято вѣрю, что онъ вопль раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки или своей плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не выдавшей наслажденій; что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности вмѣстѣ съ Заремою и Алеко, и упивался дикою любовью Земфиры, что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ... Пусть ска-

жугъ, что это — пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, но я лучше хочу вѣрить тому, что Пушкинъ мистифируетъ „Библиотеку для Чтенія“, чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. *Я вѣрю, думаю, и мнѣ отрадно вѣрить и думать, что Пушкинъ подаритъ насъ новыми созданіями, которыя будутъ выше прежнихъ*“ („Молва“ 1834 г., ч. VIII., стр. 397—400)...

Сколько размысленій возбуждаютъ эти пылкія юношескія страницы, на которыхъ, повторю опять, глубокое пониманіе идетъ объ руку съ страннымъ непониманіемъ. Не ясно ли, что самое непониманіе новыхъ сторонъ, открывавшихся въ Пушкинѣ, было слѣдствіемъ слишкомъ живого проникновенія натуры критика прежними его созданіями! Иначе какъ объяснить, что человекъ, который равно цѣнилъ и лирическія и юмористическія стороны генія Пушкина — стало быть, и „Цыганъ“, и „Графа Нулина“ (а надобно припомнить *непристойную* статью Никодима Надоумки по поводу графа Нулина!)—не понялъ „Гусара“, напечатаннаго въ „Библиотекѣ для чтенія“, не понялъ стремленія Пушкина къ Шекспиру, выразившагося въ „Анджело“? И между тѣмъ этотъ юноша, не понявшій „Анджело“ и „Гусара“, *вѣритъ* упорно въ Пушкина, видитъ въ немъ выраженіе современнаго ему міра, „*но міра русскаго*“, вѣритъ, наконецъ, въ душу поэта, разлитую въ его созданія и тѣсно съ ними соединенную, живущую одною съ ними жизнію! Не говорю уже о томъ, что юноша, ставши мужемъ, понялъ и „Анджело“, и „Гусара“, и „Каменнаго Гостя!“

Все это въ 1834 году.

А въ 1857 и 1858 годахъ являются въ журналахъ нашихъ статьи, гдѣ то оправдываются отношенія Полеваго къ Пушкину, и Полевой ставится выше *по убѣжденіямъ*, то гг. NN, ZZ приписывается, какъ проводителямъ принциповъ, больше значенія въ русской литературѣ, чѣмъ Пушкину, то, поклоняясь произведенію, дѣйствительно достойному уваженія, какъ „Семейная Хроника“, вовсе забываютъ о „Капитанской Дочкѣ“ и „Дубровскомъ“!... А въ 1859 году является статья, исполненная искренной любви и искренняго поклоненія великому поэту, но такой любви, отъ которой не поздоровится, такого поклоненія, которое лишаетъ поэта его великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнію сочувствій, его высокаго общественнаго значенія, которое сводитъ его на степени кимвала звенящаго и мѣди бряцающей, громкаго и равнодушнаго эха, сладко поющей пти-

цы! Все это развѣнчаніе совершается съ наивнѣйшею любовью, во имя поэтической непосредственности...

Да! вопросъ о Пушкинѣ мало подвинулся къ своему разрѣшенію со времени „Литературныхъ мечтаній“, а безъ разрѣшенія этого вопроса мы не можемъ уразумѣть настоящаго положенія нашей литературы. Одни хотятъ видѣть въ Пушкинѣ отрѣшеннаго художника, вѣря въ какое-то отрѣшенное, не связанное съ жизнію и не жизнію рожденное искусство; другіе заставили бы „жреца взять метлу“ и служить ихъ условнымъ теоріямъ... Лучшее, что было сказано о Пушкинѣ въ послѣднее время, сказано въ статьяхъ Дружинина, но и Дружининъ взглянулъ на Пушкина только какъ на нашего эстетическаго воспитателя.

А Пушкинъ—наше все: Пушкинъ—представитель всего нашего душевнаго, особеннаго, такого, что остается нашимъ *душевнымъ, особеннымъ* послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами. Пушкинъ — пока единственный полный очеркъ нашей народной личности, самородокъ, принимавшій въ себя при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ другими особенностями и организмами все то, что принять слѣдуетъ, отбрасывавшій все, что отбросить слѣдуетъ, полный и цѣльный, но еще не красками, а только контурами набросанный образъ народной нашей сущности,—образъ, который мы долго еще будемъ отгнѣять красками. Сфера душевныхъ сочувствій Пушкина не исключаетъ ничего до него бывшаго и ничего, что послѣ него было и будетъ правильнаго и органически-нашего. Сочувствія Ломоносовскія, Державинскія, Новиковскія, Карамзинскія, сочувствія старой русской жизни и стремленія новой,—все вошло въ его полную натуру, въ той стройной мѣрѣ, въ какой бытіе послѣпотопное является сравнительно съ бытіемъ допотопнымъ, въ той мѣрѣ, которая опредѣляется русскою душою. Когда мы говоримъ здѣсь о русской сущности, о русской душѣ, мы разумѣемъ не сущность народную до-Петровскую, и не сущность послѣ-Петровскую, а органическую цѣлость: мы вѣримъ въ Русь, какова она есть, какою она оказалась или оказывается послѣ столкновеній съ другими жизнями, съ другими народными организмами, послѣ того, какъ она, воспринимая въ себя различные элементы, одни брала и беретъ какъ родственные, другіе отрицала и отрицаетъ, какъ чуждые и враждебные... Пушкинъ-то и есть наша такая, на первый разъ очеркомъ, но полно и цѣльно обозначившаяся душевная фізіо-

помія,—фізіономія, видѣлившаяся, вырѣзавшаяся уже ясно изъ круга другихъ народныхъ, *типовыхъ* фізіономій, обособившаяся сознательно, именно вслѣдствіе того, что уже вступила въ кругъ ихъ. Это—нашъ самобытный типъ, уже мѣрившійся съ другими европейскими типами, проходившій сознаниемъ тѣ фазисы развитія, которые они проходили, но боровшійся съ ними сознаниемъ, но вынесшій изъ этого процесса свою фізіологическую, типовую самостоятельность.

Показать, какъ изъ всякаго броженія выходило въ Пушкинѣ цѣльнымъ это *типовое*, было бы задачей труда огромнаго. Въ великой натурѣ Пушкина, ничего не исключаящей: ни тревожно-романтическаго начала, ни юмора здраваго разсудка, ни страстности, ни сѣверной рефлексіи,—въ натурѣ, на все отозвавшейся, но отозвавшейся въ мѣру русской души — заключается оправданіе и примиреніе для всѣхъ нашихъ теперешнихъ, повидимому столь враждебно раздвоившихся сочувствій.

Въ настоящую минуту мы видимъ только раздвоеніе. Смѣясь надъ нашими недавними сочувствіями, относясь къ нимъ теперь постоянно критически, мы собственно смѣемся не надъ ними, а надъ ихъ напряженностію. И до Пушкина, и послѣ Пушкина мы въ сочувствіяхъ и враждахъ постоянно пересаливали: въ немъ одномъ, какъ нашемъ единственномъ цѣльномъ геніи, заключается правильная художественно-нравственная мѣра, мѣра уже дознанная, уже окрѣпшая въ различныхъ столкновеніяхъ. Въ его натурѣ — очерками обозначились наши фізіономическія особенности полно и цѣльно, хотя еще безъ красокъ, — и все современное литературное движеніе есть только наполненіе красками этихъ рафаэлевски-правдивыхъ и изящныхъ очерковъ.

Пушкинъ выносилъ въ себѣ все. Онъ долго, напримѣръ, носилъ въ себѣ въ юности мутно-чувственную струю ложнаго классицизма (эпоха лицейскихъ и первыхъ послѣ-лицейскихъ стихотвореній); изъ нея онъ вышелъ наивенъ и чистъ, да еще съ богатымъ запасомъ живучихъ силъ для противодѣйствія романтической туманности, отъ которой ничто не защищало несравненно менѣе цѣльный талантъ Жуковскаго. Эта мутная струя впоследствии очистилась у него до наивнаго пластицизма древности, и, благодаря стройной мѣрѣ его природы, ни одна словесность не представитъ такихъ чистыхъ и совершенно ваятельныхъ стихотвореній, какъ Пушкинскія. Но и въ этомъ отношеніи какъ онъ самъ,

такъ и все, что пошло отъ него по прямой линіи (Майковъ, Фетъ въ ихъ антологическихъ стихотвореніяхъ), умѣли уберечься въ границахъ здраваго, яснаго смысла и здраваго, достойнаго разумно-нравственнаго существа, сочувствія. Молодое кипѣніе этой струи отразилось у самого Пушкина въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ молодости, отражалось, благодаря его наполовину африканской крови, и въ послѣдующія эпохи стихотвореніями удивительными и пламенными („Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ“), которыя, однако, онъ не хотѣлъ видѣть въ печати. Оно обособилось въ пламенномъ Языковѣ, но и тотъ искалъ потомъ успокоенія своему жгучему лиризму или въ высшихъ сферахъ вдохновенія или въ созданіяхъ болѣе объективныхъ и спокойныхъ, какова, на примѣръ, „Сказка о сѣромъ волкѣ и Иванѣ царевичѣ“, красоту которой, говоря *par parenthèse*, мы потеряли способность цѣнить, избалованные судорожными вдохновеніями современныхъ музъ. Напряженное же, насильственно-подогрѣтое клокотаніе этой струи истощило въ наши времена талантъ Щербины, и весьма еще недавно вылилось въ мутно-сладострастныхъ стихахъ молодого, только что начинающаго поэта, г. Тура; но не слѣдуетъ по злоупотребленіямъ, противнымъ здоровому русскому чувству, умозаключать, что самая струя, въ мѣру взятая, ему противна...

Вообще же не только въ міръ художественныхъ, но и въ міръ всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ нашихъ сочувствій—Пушкинъ есть первый и полный представитель нашей фizioноміи. Гоголь явился только мѣрною нашихъ антипатій и живымъ органомъ ихъ законности, поэтомъ чисто-отрицательнымъ; симпатій же нашихъ кровныхъ, племенныхъ, жизненныхъ онъ олицетворить не могъ, во-первыхъ, какъ малороссъ, а во-вторыхъ, какъ уединенный и болѣзненный аскетъ.

III.

Въ русской натурѣ вообще заключается одинаковое, равномерное богатство силъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Нещадно смѣясь надъ всѣмъ, что несообразно съ нашей душевной мѣрой, хотя бы безобразіе несообразности явилось даже въ томъ, что мы любимъ и уважаемъ (чѣмъ мы и отличаемся отъ другихъ народовъ, въ особенности отъ нѣмцевъ, совершенно неспособныхъ къ комическому взгляду), мы столь же мало способны

къ строгой однообразной чинности, кладущей на все печать уровня высшего порядка и составной цѣльности. Любя *праздники* и цѣлую жизнь *проживая* иногда въ праздношатавательствѣ и круженіи, мы не можемъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и, дѣлая дѣло, сладострастно наслаждаться въ немъ мыслию о приготовленіи себѣ известной *порціи* законнаго бездѣлья; чѣмъ опять-таки мы отличаемся отъ нѣмцевъ. Нѣтъ! мы всѣ говоримъ, какъ одинъ изъ нашихъ типическихъ героевъ, Грибоѣдовскій Чацкій:

Когда дѣла — я отъ веселья прячусь,

Когда дурачиться — дурачусь.

А смѣшивать два этихъ ремесла

Есть тѣма искусниковъ — я не изъ ихъ числа!

Мы можемъ ничего не дѣлать, но не можемъ съ важностію дѣлать *ничего*, *il far niente*, какъ итальянцы. А съ другой стороны, мы не можемъ помириться съ вѣчной суетой и толкотней общественно-будничной жизни, не можемъ заглушить въ ней тревожнаго голоса своихъ высшихъ духовныхъ интересовъ, или впадаемъ въ хандру, — и вотъ почему изъ всѣхъ, произвольно составленныхъ утопій общественныхъ, нѣтъ для русской души противнѣе утопій Фурье, хотя нѣтъ племени, въ которомъ братство, любовь, незлобіе и общеніе были бы такъ просты и непосредственны.

Пока эта природа, съ богатыми стихійными началами и съ безпощаднымъ здравымъ смысломъ, живетъ еще сама въ себѣ, т. е. живетъ безсознательно, безъ столкновенія съ другими живыми организмами, — какъ то было до реформы Петра, — она еще спокойно вѣрится въ свою стихійную жизнь, еще не опредѣляетъ, не разлагаетъ своихъ стихійныхъ началъ, довольствуясь тѣми формами, въ которыя свободно уложилось все ея стихійное...

Стольникъ, напрімѣръ, Лихачевъ, вздвигнувшій отъ царя Алексѣя Михайловича править посольство во градъ Флоренскъ къ Дуку Фердинандусу, носилъ въ душѣ крѣпко сложившіеся, вѣковые типы, которыхъ онъ никогда не разлагалъ, въ которыхъ онъ никогда не сомнѣвался и дальше которыхъ онъ ничего не видѣлъ. Его непосредственное отношеніе къ жизни, вовсе ему чуждой, такъ дорого, что нельзя безъ искренняго умиленія читать у него хоть бы вотъ это: „Въ Ливорнѣ церковь Греческая во имя Николая Чудотворца и протопопъ Аванасій — да въ Венеціи церковь же Греческая, а больше того отъ Рима до Комъскаго острога ни дѣтъ *ни дѣтъ* благочестія“. Вы несколько не заподозрите также его искрен-

ности, когда онъ, съ вершины своихъ типовыхъ, никогда не разложенныхъ имъ убѣжденій рассказываетъ вамъ объ аудіенціи у Дука Фердинандуса ¹⁾. Вы понимаете всю неразорванность этого взгляда, всю цѣльность и извѣстную красоту типа, лежащаго въ его основаніи. Типъ этотъ, наслѣдованный отъ предковъ, завѣщанный предками, ни разу еще не сличалъ себя съ другими жизненно-историческими типами. Онъ есть до того простое и наивное вѣрованіе, что скажется скорѣе комическимъ взглядомъ на всѣ другіе типы, чѣмъ сомнѣніемъ въ самомъ себѣ и своей исключительной законности, и будетъ ли это Лихачевъ во Флоренціи, Чемодановъ въ Венеціи, Потемкинъ во Франціи, наконецъ, въ эпоху позднѣйшую, даже Денисъ Фонвизинъ въ разныхъ иностранныхъ земляхъ,—вы въ нихъ вѣрите, вы ихъ понимаете, вы ихъ любите,—разумѣется, если вы кровный русскій. Вы понимаете, какъ съ незыблемо-утвержденныхъ основъ своего типа должны они смотрѣть на все чуждое, чтó имъ представляется; вы цѣните тонкую ловкость Чемоданова, хитро выспрашивающаго венеціанъ на счетъ разныхъ полезныхъ вещей, и не потребуете отъ него, конечно, чтобы онъ восхищался фантастическою, мрачно-пестрою, трагически-сладоострастною Венеціею и приходилъ въ лиризмъ

Съ венеціанкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ.

Вы не возмущаетесь тѣмъ, что Денису Фонвизину въ варшавскомъ театрѣ звуки польскаго языка кажутся *подлыми* и поражаетесь скорѣе мѣткостью и злой правдивостью его замѣчаній, въ родѣ того что: „разсудка французъ не имѣетъ, да и имѣть его почелъ бы за величайшее несчастье“. Всѣ эти черты стараго типа вамъ понятны, любезны и почтенны. Типъ хранится этими людьми такъ вѣрно, такъ искренно, что они и понять не могутъ ничего того, чтó ихъ типу противорѣчитъ. Потемкинъ во Франціи, оскор-

1) „И Царскаго Величества здоровье сказано было отъ посланниковъ Флоренскому князю Фердинандусу въ городѣ Пизѣ. И князь у посланниковъ принялъ государеву грамоту и поцѣловалъ ее и началъ плакать, а намъ говорилъ чрезъ толмача по-италійски: *за что меня, холопа своего, вашъ пресловутый во всѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь Алексѣй Михайловичъ... поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? А онъ великій государь, что небо отъ земли отстоитъ, то и онъ великій государь*“... и т. д.

Примѣч. А. Григорьева.

бленный откупщикомъ „маршалка де-Граммона“, хотѣвшаго взять пошлину съ окладовъ святыхъ иконъ, прямо называетъ его „врагомъ креста Христова и псомъ несатымъ“, и знать не хочетъ, что откупщикъ дѣйствуетъ на основаніи *своихъ* правъ...

Такова крѣпость *типа* въ его еще покойномъ, безсознательномъ состояніи... Естественно, что въ этой цѣльности и замкнутости онъ остаться не можетъ при столкновеніи съ другими типами.

Эта же самая природа съ богатыми стихійными силами и съ беспощадно-критическимъ здравымъ смысломъ вдругъ поставлена, и поставлена уже не случайно, не на время, а навсегда, въ столкновеніе съ иною, доселѣ чуждою ей жизнію, съ иными крѣпко же и притомъ роскошно и полно сложившимися идеалами. Пусть на первый разъ она, какъ Фонвизинъ, отнеслась къ этимъ чуждымъ ей типамъ только критически. Но потомъ происходитъ неминуемо другой процессъ. Тронутыя съ мѣста, стихійныя начала встаютъ какъ морскія волны, поднятыя бурей, и начинается страшная ломка, выворачивается вся внутренняя, бездонная пропасть. Оказывается, какъ только старый исключительный типъ разложился, что въ насъ есть сочувствіе ко всѣмъ идеаламъ, т.-е. существуютъ стихіи для созданія многообразныхъ идеаловъ. Сущность наша, личность, т.-е. типовая мѣра, душевная единица, на время позабывается: дѣйствуютъ только силы, страшныя, дикія, необузданныя. Каждая хочетъ сдѣлаться центромъ души и, пожалуй, могла бы, если бы не было другой, третьей, многихъ, равно просящихъ работы, равно зиждительныхъ и, стало быть, равно разрушительныхъ, и если бы въ каждой силѣ не заключалась ея равномѣрная отрицательная сторона, указывающая неминуемо на всѣ неправильныя, смѣшныя, противныя типовой душевной мѣрѣ уклоненія.

Способность силъ доходить до крайнихъ предѣловъ, соединенная съ типовою болѣзненно-критическою отрывкою, порождаетъ состояніе страшной борьбы. Въ этой борьбѣ закруживаются неминуемо натуры могущественныя, но не гармоническія, натуры допотопныхъ образованій: и часто мрачный *fatum* уноситъ и гармоническія натуры, попавшія въ водоворотъ.

Наши великіе люди, бывшіе доселѣ, рѣшительно представляются съ этой точки могучими заклинателями страшныхъ силъ, пробующими во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ служебную дѣятельность стихій, но забывающими порою, что не всегда можно пускаться на

свободу эти порожденія душевной бездны. Стоит только стихій вырваться изъ центра на периферію, чтобы, по общему закону организмъ, она стала обособляться, сосредоточиваться около собственнаго центра, и получила свое отдѣльное, цѣльное и реальное бытіе...

И тогда—горе заклинателю, который выпустилъ ее изъ центра, и это горе неминуемо ждетъ всякаго заклинателя, поколику онъ человѣкъ... Пушкина скосила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко; Лермонтова—тотъ страшный идеаль, который сіялъ предъ нимъ, „какъ царь иѣмой и гордый“, и отъ мрачной красоты котораго самому ему „было страшно и душа тоскою сжималася“; Кольцова—та раздражительная и начинавшая во всемъ сомнѣваться стихія, которую тщетно заклиналъ онъ своими „Думами“. А сколько могучихъ, но негармоническихъ личностей закруживали стихійныя начала: Милонова, Кострова, Радищева въ прошломъ вѣкѣ, Полежаева, Мочалова, Варламова на нашей памяти.

Да не скажутъ, чтобы я здѣсь игралъ словами. Стихійное начало вовсе не то, что *личность*. Личность Пушкинская не Алеко и вмѣстѣ съ тѣмъ не Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, отъ лица котораго онъ любилъ рассказывать свои повѣсти; личность Пушкинская—самъ Пушкинъ, заклинатель и властелинъ многообразныхъ стихій; какъ личность Лермонтовская—не Арбенинъ и не Печоринъ, а самъ онъ,

Еще невѣдомый избранникъ

и, можетъ быть, по словамъ Гоголя, „будущій великій живописецъ русскаго быта“. Прасоль Кольцовъ, умѣвшій ловко вести свои торговыя дѣла, спасъ бы намъ надолго жизнь великаго лирика Кольцова, если бъ не пожрала его, вырвавшись за предѣлы, та раздражающая дѣйствительностію, недовольная, слишкомъ впечатлительная сила, которую не всегда заклиналъ онъ своей возвышенной и трогательной молитвою:

О, гори лампада
Ярче предъ Распятьемъ...
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

Въ Пушкинѣ по преимуществу, какъ въ первомъ цѣльномъ очеркѣ русской природы,—очеркѣ, въ которомъ обозначились и объемъ и границы ея сочувствій, отразилась эта борьба, высказался

этотъ моментъ нашей духовной жизни, хотя великій мужъ былъ и не рабомъ, а властелиномъ и заклинателемъ этого страшнаго момента.

Поучительна въ высокой степени исторія душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами, — борьбы, изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ. Ибо, что, напримѣръ, общаго между Онѣгинымъ и Чайльдъ-Гарольдомъ Байрона, что общаго между Пушкинскимъ — и Байроновскимъ или Мольеровскимъ французскимъ или, наконецъ, испанскимъ Донъ Жуаномъ?... Это типы совершенно различные, ибо Пушкинъ, по словамъ Бѣлинскаго, былъ *представителемъ міра русскаго, человечества русскаго*. Мрачный сплинъ и язвительный скептицизмъ Чайльдъ-Гарольда замѣнился въ лицѣ Онѣгина хандрою отъ праздности, тоскою челоуѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностью здраваго русскаго смысла, т.-е. прирожденною, а не прибрѣтенною критической способностью, который критикъ потому, что даровитъ, а не потому, что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причинъ своего критическаго настроенія въ озлобленіи, и которому та же критическая способность можетъ — того и гляди — указать дорогу выйти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу.

Съ другой стороны, Донъ Жуанъ южныхъ легендъ, это сладострастное кипѣніе крови, соединенное съ демонски-скептическимъ началомъ, на которое намекаетъ великое созданіе Мольера и которымъ до опьянѣнія восторгается нѣмецъ Гофманнъ, — эти свойства обращаются въ созданіи Пушкина въ какую-то безпечную, юную, безграничную жажду наслажденія, въ сознательное, даровитое чувство красоты, въ способность „по узенькой пятакѣ“ дорисовать весь образъ, способность находить „странную пріятность“ въ „потухшемъ взорѣ и помертвѣлыхъ глазахъ черноокой Инесы“; типъ создается, однимъ словомъ, изъ южной, даже африканской страстности, но смягченной русскимъ тонко-критическимъ чувствомъ, изъ чисто русскаго удали, безпечности, какой-то дерзкой шутки съ прожигаемою жизнью, какой-то безъусталой гоньбы за впечатлѣніями, такъ что чуть впечатлѣніе принято душою, душа уже далеко, и только „на снѣговой порошокѣ“ остался слѣдъ „не зайки, не горностайки“, а Чурилы Пленковича, этого Донъ Жуана мионическихъ временъ, порожденія нашей народной фантазіи.

Взгляните еще на борьбу Пушкинской, т.-э. идеально-русской природы, съ тѣмъ типомъ, въ которомъ

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ,

на эту схватку съ совершенно сложившимся исторически типомъ, схватку могучихъ, но еще неуходившихся стихійныхъ началъ, въ которыхъ идеаль, мѣрка не доросли еще до сознанія, а между тѣмъ бессознательно сказываются, подаютъ свой голосъ при всякомъ лишнемъ шагѣ и невольно ихъ обуздываютъ.

Эта поучительная для насъ борьба—и въ гениально-юношескомъ лепетѣ Кавказскаго плѣнника, и въ Алеко, и въ Гирей (не даромъ же печальной памяти „Маякъ“ объявлялъ героевъ Пушкина уголовными преступниками!), и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и вмѣстѣ сухомъ тонѣ „Пиковой дамы“, и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо, въ повѣсти „Выстрѣлъ“. На каждой изъ этихъ ступеней борьба стбитъ подробнѣйшаго изученія... Но что вездѣ особенно поразительно, такъ это постоянная непослѣдовательность живой и самобытной души, ея упорная непокорность усвоаемому ей типу, при постоянной послѣдовательности умственной, послѣдовательности пониманія и усвоенія типа. Ясно видно, что въ типѣ есть для этой души что-то неотразимо влекущее—и есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, чему она постоянно измѣняетъ, что, стало быть, рѣшительно не по ней. Я позволяю себѣ думать, что глубокое психологическое изученіе этихъ душевныхъ Пушкинскихъ отношеній внесло бы въ наше сознаніе гораздо больше ясности, чѣмъ возгласы о томъ, что Пушкинъ и Гоголь, изволите видѣть, не сознавали принциповъ, а гг. NN или гг. ZZ ихъ сознають и, стало быть, имѣють ббольшее для насъ значеніе. Я—и авось-либо не одинъ я—не знаю, да и знать не хочу, какіе принципы и какое ученіе сознавалъ Пушкинъ, а знаю, что для нашей русской природы онъ все болѣе и болѣе будетъ становиться мѣркою принциповъ. Въ немъ заключается все наше—все, отъ отношеній, совершенно двойственныхъ, нашего сознанія къ Петру и его дѣлу—до нашихъ тщетныхъ усилій насильственно создать въ себѣ и утвердить въ душѣ обаятельные призраки и идеалы чужой жизни, до нашей столь же тщетной теперешней борьбы съ этими идеалами, и столь же тщетныхъ усилій вовсе отъ нихъ оторваться

и замѣнить ихъ чистоотрицательными и смиренными идеалами. И всѣ истинныя, правдивыя стремленія современной нашей литературы находятся въ духовномъ родствѣ съ Пушкинскими стремленіями, отъ нихъ по прямой линіи ведутъ свое начало. Въ Пушкинѣ надолго, если не навсегда, завершился, обрисовавшись широкимъ очеркомъ, весь нашъ душевный процессъ,—и тайна этого процесса въ его слѣдующемъ, глубоко-душевноиъ и благоухающемъ стихотвореніи:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину гениа чернить,
И свой рисунокъ беззаконный
На ней бессмысленно чертить.
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье гениа предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Этотъ процессъ со всѣми нами въ отдѣльности и съ нашею общественною жизнью совершался и понынѣ совершается. Кто не видитъ могучихъ произрастаній типового, коренного, народнаго—того природа обдѣлила зрѣніемъ и вообще чутъемъ.

IV.

Случайно или, пожалуй, и не случайно, наше славянское коренное и типовое есть вмѣстѣ и наиболѣе удобная подкладка для истинно-человѣческаго, т.-е. христіанскаго, но только подкладка, не болѣе. И таковою подкладкой является оно вслѣдствіе своихъ отрицательныхъ качествъ, страдательныхъ, съ одной стороны, критическихъ—съ другой. Благодаря тѣмъ и другимъ, мы не можемъ долго и насильственно поддерживать въ себѣ поклоненія какому бы ни было человѣческому типу, какому бы ни было кумиру, изъ какого бы драгоценнаго металла или мрамора этотъ кумиръ ни былъ созданъ, и какъ бы изящно онъ ни созданъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ во всякомъ типѣ мы видимъ и слабыя его стороны и тотчасъ же относимся къ нимъ комически, какъ бы дорокъ типъ намъ ни былъ.

Въ этомъ-то отношеніи, въ цѣльной натурѣ Пушкина и въ ея борьбѣ съ различными, тревожившими ее и пережитыми ею типами, и заключается для насъ слово разгадки... Повторяю еще разъ, Пушкинъ все наше перечувствовалъ (разумѣется, только какъ поэтъ, въ благоуханіи): отъ любви къ загнанной старинѣ („Родословная моего героя“) до сочувствій реформѣ („Мѣдный Всадникъ“); отъ нашихъ страстныхъ увлеченій эгоистически обаятельными идеалами до смиреннаго служенія Савелья („Капитанская дочка“); отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды „матери пустыни“; и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія и весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита,—смерть, которая унесла его столь же преждевременно, какъ братьевъ его по духу, такихъ же набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, Рафаэля Санціо и Мопарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все, разметывающееся въ ширину, и коренится, какъ дубъ, односторонняя глубина...

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить грани процессовъ, набросать полные и цѣльные, но одними очерками обозначенные идеалы,—и такая-то натура была у Пушкина. Онъ наше все—не устану повторять я,—не устану, *во-первыхъ*, потому, что находятся въ наше время критики, даже *историки* литературы, которые безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти объявляютъ, что Пушкинъ умеръ весьма кстати, ибо иначе не сталъ бы въ уровень съ современнымъ движеніемъ и пережилъ бы самого себя, *во-вторыхъ*, потому, что есть мыслители не подобнымъ критикамъ и историкамъ чета, а достойные уваженія по честности и серьезности взгляда, которые къ Пушкину находятся немного въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находились пуритане къ Шекспиру, и, наконецъ, потому, что многіе блестящіе и проницательные умы, сознавая великое значеніе въ нашей жизни Пушкина, какъ воспитателя художественнаго, не обращаютъ вниманія на его нравственное для насъ значеніе, на то, что въ немъ—крайнія, хотя только обрисованныя, набросанныя опредѣленія всѣхъ нашихъ сочувствій, что во всей современной литературѣ нѣтъ ничего истинно замѣчательнаго и правильнаго, что бы въ зародышѣ своемъ не находилось у Пушкина.

Объ этомъ я буду говорить въ свое время и въ своемъ мѣстѣ... Здѣсь позволю себѣ замѣтить только, что всѣ простыя, не пре-

увеличенныя юмористически и не идеализированныя трагически отношенія литературы къ окружающей дѣйствительности и къ русскому быту по прямой линіи ведутъ свое начало отъ взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина.

Типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности. Какое же душевное состояніе выразилъ нашъ поэтъ въ этомъ типѣ и каково его собственное душевное отношеніе къ этому типу, влѣзая въ кожу, принимая взглядъ котораго, онъ рассказываетъ намъ столь многія добродушныя исторіи, между прочимъ, „Лѣтопись села Горохина“ и семейную хронику Гриневыхъ, эту родоначальницу всѣхъ теперешнихъ „семейныхъ хроникъ“?

Помните ли вы, мои читатели, отрывки главы, не вошедшей въ поэму объ Онѣгинѣ и нѣкогда предназначавшейся на то, чтобы привести существованіе Онѣгина въ многообразныя столкновенія съ русскою жизнію и русской землею, какъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія строфы,—привести эту праздную, тяготящуюся собой жизнь на разныя очныя ставки съ дѣятельною, суетливо-хлопочущею жизнью?.. Эти отрывки, хотя они и отрывки, но весьма замѣчательны.

Дѣло объѣзжать Россію и сталкиваться съ различными слоями ея жизни Пушкинъ поручилъ потомъ не Онѣгину, а извѣстному „плутоватому человѣку“, Павлу Ивановичу Чичикову (Гоголь самъ говоритъ, что идея „Мертвыхъ душъ“ дана ему Пушкинымъ); но между тѣмъ въ этихъ отрывочныхъ строфахъ Онѣгинъ является для насъ съ новой стороны, какъ лицо которому, несмотря на всю прожитую бурно жизнь, все-таки некуда дѣвать здоровья и жизни:

Зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка...
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Да! тоскою о томъ, что много еще силъ, много здоровья и крѣпости жизни,—долженъ кончить Онѣгинъ, какъ отраженіе извѣстной минуты душевнаго процесса; но не тоскою одной кончается живая, многообъемлющая натура самого поэта:

Порой дождливою наведни
 Я, завернувъ на скотный дворъ..
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
 Скажи, фонтанъ Бахчисарая,
 Такія ль мысли мнѣ на умъ
 Навелъ твой безконечный шумъ?

Эта выходка поэта—негодованіе на прозаизмъ и мелочность окружающѣй его обстановки, но вмѣстѣ и новольное сознаніе того, что этотъ прозаизмъ имѣетъ неотъемлемыя права надъ душою, что онъ въ душѣ остался, какъ отсадокъ, послѣ всего броженія, послѣ всѣхъ напряженій, послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ окамениться въ Байроновскихъ формахъ. И тщета этой борьбы съ собственною душою, и негодованіе на то, что послѣ борьбы остался именно такой отсадокъ, одинаково знаменательны:

Какія бь чувства ни таились
 Тогда во мнѣ,—теперь ихъ нѣтъ:
 Они прошли иль измѣнились;
 Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны
 Пустыни, волнъ края жемчужны
 И моря шумъ, и груды скалъ,
 И гордой дѣвы идеалъ,
 И безыменныя страданья..
 Другіе дни—другіе сны!
 Смирились вы, моей весны
 Высокопарныя мечтанья,
 И въ поэтической бокаль
 Воды я много подмѣшаль.
 Иныя нужны мнѣ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи,
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ..
 Теперь мила мнѣ балалайка
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака;
 Мой идеалъ теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой..

Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній самыхъ разнородныхъ,—негодованія и желанія набросить на картину колоритъ самый сѣрый съ невольной любовью къ картинѣ, съ чувствомъ ея особенной самобытной красоты! Эти строфы—ключъ къ самому Пушкину и къ нашей русской литературѣ вообще,—ключъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ *принципы* гг. NN или гг. ZZ... Это чувство есть наше типовое... Оно только что очнулось отъ тревожно-лихорадочнаго сна, только что вырвалось изъ кипящаго, страшнаго омута, оглядывается на Божій свѣтъ, встряхиваетъ кудрями, чувствуетъ, что и все вокругъ него то же, такое же, какъ было до сна, и само оно то же, такое же, какъ было до борьбы съ призраками, и юношески недовольно тѣмъ, что оно свѣжо и молодо послѣ всѣхъ схватокъ съ подводными чудовищами...

Но, кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознание видѣло такіе сны, и образы ихъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, или, лучше сказать, мѣряться съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя. Какъ же это оно такъ молодо, здорово, испытавши столько, и, какъ же, испытавши столько, оно опять видитъ предъ собою прежнюю обстановку?.. Вѣдь въ борьбѣ, хотя и призрачной ¹⁾, оно узнало само себя, узнало, что не только эту бѣдную и обыденную обстановку можетъ воспринять и усвоить, но и всякую другую, какъ бы ни была эта другая сложна, широка и великолѣпна. Пусть на первый разъ оно разъяснило себѣ себя въ чуждой обстановкѣ, т.-е. пусть на первый разъ мѣра силъ познана въ примѣрѣ къ чужому, для нихъ призрачному,—да силы-то ужъ себя знаютъ и знаютъ уже, кромѣ того, что имъ мала, бѣдна и узка обыденная обстановка дѣйствительности.

А между тѣмъ и въ самомъ круженіи, въ самой борьбѣ съ тѣнями, силы чувствовали минутами припадки непонятнаго влеченія къ этой самой, повидимому столь узкой и скудной, обстановкѣ, къ своей собственной почвѣ.

Негодованіе силъ, извѣдавшихъ уже „добрая и злая“, выра-

¹⁾ Замѣчательно, что Марлинскій, этотъ огромный талантъ допотопной формациі, оканчиваетъ свою повѣсть „Страшное гаданье“ мыслью, что призрачный міръ, если только онъ глубоко воспринятъ душой, оставляетъ въ ней такой же слѣдъ, какъ и міръ дѣйствительный.

жившись у Пушкина въ вышеприведенныхъ строфахъ, еще сильнѣе отразилось въ стихотвореніи, которое онъ самъ назвалъ „капризомъ“,

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстоузой,

и отъ котораго пошло въ нашей литературѣ столько стихотвореній—и Лермонтовскихъ, и Огаревскихъ, и Некрасовскихъ... Но у Пушкина негодование перешло въ серьезную мужескую думу о своихъ отношеніяхъ къ міру призрачному и къ міру дѣйствительному.

Въ тѣ дни, когда муза, по словамъ его, услаждала ему

путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа,

когда... но пусть лучше говоритъ онъ самъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа
Она Ленорой при лунѣ
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды,
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу мировъ.

Въ эти дни молодого и кипучаго вдохновенія великая натура мѣрила свои силы со всѣмъ великимъ, что уже она встрѣтила даннымъ и готовымъ, подвергаясь равномѣрно вліянію и свѣтлыхъ и темныхъ его сторонъ. Оказалось, *во-первыхъ*, что на „вся добрая и злая“ у нея есть удивительная отзывчивость; *во-вторыхъ*, что эта отзывчивость не можетъ остановиться на среднемъ пути, а ведетъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ; и, *въ третьихъ*, наконецъ, что все-таки не можетъ оно перестать любить своего типового, не можетъ не искать его и не можетъ забыть своей почвы... Эта любовь скажется то радостью „замѣтить разность“ между Онѣгинымъ и собою, то мечтою о поэмѣ „пѣсенъ въ двадцать пять“ съ мирнымъ, семейнымъ характеромъ... мало ли чѣмъ наконецъ?—записываніемъ сказокъ старой няньки или анекдотовъ о старинѣ!...

Когда поэтъ, въ эпоху зрѣлости самосознанія, привелъ для самого себя въ очевидность всѣ эти, повидимому, совершенно противо-

положныя явленія, совершавшіяся въ его собственной натурѣ, то прежде всего, правдивый и искренній, онъ умалилъ себя, когда-то Гирея, Плѣнника, Алеко, до образа Ивана Петровича Бѣлкина... Я говорю: умалилъ себя, а не поставилъ въ надлежащія границы, ибо трудно представить себѣ, дѣйствительно, Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ натуру, которая и прежде мѣрялась, да и не переставала мѣряться силами съ самыми могучими типами (ибо въ то же самое время геній поэта проникалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно жаждущую жизни натуру Донъ Жуана), стало быть, вовсе не сосредоточивалась исключительно въ существованіи Бѣлкина.

Въ этомъ типѣ узаконивалась, и притомъ только на время, только отрицательно, критически, чисто типовая сторона. Въ существованіе Бѣлкина вошелъ только критическій отсадокъ борьбы, а отнюдь не вся личность поэта, ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отрекаться отъ прежнихъ своихъ сочувствій или считать ихъ противозаконными, какъ это готовы дѣлать иногда мы. Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его, а просто критическая сторона души; ибо иначе, откуда взялась бы въ душѣ поэта другая сторона ея, сторона широкихъ и пламенныхъ сочувствій?

Недавно, года два тому назадъ, одинъ критикъ, разбирая „Семейную Хронику“ Аксакова и повергая къ ея подножію всю русскую литературу, упрекалъ Лермонтова въ маломъ уваженіи его къ личности Максима Максимыча. Но мы были бы народъ весьма не щедро надѣленный природою, если бы героями нашими были Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ и Максимъ Максимычъ. Тотъ и другой вовсе не герои, а только контрасты типовъ, которыхъ величіе оказалось на нашу душевную мѣрку несостоятельнымъ.

Что такое Пушкинскій Бѣлкинъ, тотъ Бѣлкинъ, который плачется въ повѣстяхъ Тургенева о томъ, что онъ вѣчный Бѣлкинъ, что онъ принадлежитъ къ числу „лишнихъ людей“ или „куцыхъ“, которому въ Писемскомъ смерть хотѣлось бы, но совершенно тщетно, посмѣяться надъ блестящимъ и страстнымъ типомъ, котораго хочетъ не въ мѣру и насильственно поэтизировать Толстой и предъ которымъ даже Петръ Ильичъ драмы Островскаго „Не такъ живи, какъ хочется“, смиряется... по крайней мѣрѣ, до новой масленицы и до новой Гружи?

Бѣлкинъ Пушкинскій есть простой здравый толкъ и здравое чувство, кроткое и смиренное,—вопіющіе законно противъ зло-

употребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать: стало быть, начало только отрицательное, правое только какъ отрицательное; ибо, предоставьте его самому себѣ—оно перейдетъ въ застой, мертвящую лѣнь, въ хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у Пушкина — вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ и съ его взглядомъ на жизнь... Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, ошеломленный его мрачной сосредоточенностію въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли, — онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать: только въ наше время, въ повѣстяхъ Толстого, дошелъ онъ анализомъ до предположенія, что такихъ людей, какъ Сильвіо, не бываетъ. У Пушкина онъ знаетъ только, что самъ онъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. „Нѣтъ ужъ—говоритъ онъ—лучше пойду я къ людямъ попроче“, и первый опускается въ простые и такъ называемые низшіе слои жизни. Въ „Станціонномъ смотрителѣ“—зерно всѣхъ нашихъ теперешнихъ отношеній къ этимъ слоямъ жизни, а въ „Гробовщикѣ“—зерно всей натуральной шеолы.

Но съ этой жизнью попроче, куда онъ хочетъ спуститься, онъ вѣдь тоже разобщенъ кой-какимъ образованіемъ, а главное, онъ уже смотритъ на нее съ высоты этого кой-какого образованія.

Комизмъ положенія человѣка, который считаетъ себя обязаннымъ по своему образованію смотрѣть какъ на нѣчто себѣ чуждое, на то, съ чѣмъ у него гораздо болѣе общаго, чѣмъ съ прибрѣтенными имъ верхушками образованности, является необыкновенно ярко въ лицѣ Бѣлкина, автора „Лѣтописи села Горохина“... Эта лѣтопись—тончайшая и вмѣстѣ добродушно-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковой полосой нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностію, изъ которой мы вынесли взглядъ, совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво скрыты и всѣ наши прошлые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы,

то фразами, какъ, напримѣръ: „Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ труцами“, или: „Отсель исторія наша пріемлетъ достоинство

истинно государственной“ ¹⁾—и, по удивительному поэтическому предвѣдѣнію, скрыты также всѣ теперешнія наши отношенія къ дѣйствительности.

И вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ гениальныхъ страницахъ — бездна самой безпощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ обязанностью писать съ важностью древнихъ историковъ о странѣ, называемой Горохинымъ, и живописуетъ вычурнымъ тономъ нравы ея обывателей,—откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно правильное къ нимъ отношеніе?... О, сказки Ирины Родіоновны, пробывавшіяся въ натурѣ нашего поэта сквозь всѣ искусственныя произрастанія, вы хранили такую свѣжую, чистую струю въ душѣ молодого, воспитаннаго по-французски барича, что отдаленное потомство помянетъ васъ добрымъ словомъ и благословеніемъ, забывши разные принципы, сознательнымъ проведеніемъ которыхъ гг. NN, ZZ и иные стоятъ *якобы* выше Пушкина и Гоголя!

Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, и въ настоящую минуту литература наша развиваетъ только его задачи—въ особенности же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ „Капитанской дочкѣ“ хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и хронику семейства Багровыхъ; Бѣлкинъ—и у Тургенева, и у Писемскаго; Бѣлкинъ отчасти и у Толстого,—ибо Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различныя міры.

Но чтобы понять Бѣлкина и оцѣнить его ни выше, ни ниже того, чего онъ дѣйствительно стоитъ, т.-е. чтобы разяснить себѣ эту критическую сторону нашей души, должно попристальнѣе взглядѣться и въ тотъ пестрый сонъ, въ которомъ душа наша освоивалась съ многообразными мірами, предъ ней мелькавшими, боролась съ многими для нея обаятельными призраками. Въ отношеніяхъ, хотя и напряженныхъ, къ этимъ призракамъ сказались, однако, существенныя свойства нашей души, ея сочувствія или вражды, широта ея захвата, предѣлы ея силъ: это были пробы ея самостоятельной жизни.

¹⁾ Первая цитата изъ „Дмитрія Донского“ Озерова, вторая изъ „Исторіи“ Карамзина.

Если бы начать донскиваться, какіе *принципы* руководили Пушкина въ созданіи лицъ Плѣнника, Гирея, Алеко, Сильвіо, Германа, то можно было бы дойти только до обвиненія его въ томъ, что герои его—уголовные преступники, или до противоположныхъ нелѣпостей. Ни къ чему иному исканье *принциповъ* обыкновенно не приводитъ, да и привести не можетъ. Не мудрено отыскать принципы въ *обличительной* и *полезной* литературѣ, но

Позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

хотя, съ другой стороны, великіе жрецы и не суть жрецы какого-то отвлеченнаго отъ жизни, безсѣннаго и бесплоднаго искусства.

Живое созданіе не укладывается въ тѣсныя рамки, назначаемыя принципами, какъ и жизнь сама въ нихъ не укладывается. Жизнь весьма часто иронически смѣется надъ самыми вѣрными принципами, которыми хотятъ ее опредѣлить. Вдругъ порою покажетъ она неожиданно-негаданно такія силы, которыя способны создавать новые міры, когда вы думаете, что совершенно вызнали ея ходъ, что проникли ея тайную думу, когда вы увѣрены, что она вотъ такъ и будетъ двигаться по предузнанному вами направленію!

V 1).—VI.

Гоголь еще только что выступилъ тогда на литературное поприще, и немногіе понимали еще все его будущее великое значеніе для нашей литературы и нашей общественной жизни. Положительно можно сказать, что вполнѣ понимавшими громадность этого тогда только что выступившаго, таланта были *Пушкинъ*, благословившій его, какъ нѣкогда „старикъ Державинъ“ благословилъ самого Пушкина, *Бѣлинскій* и *Плетневъ*.

„Г. Гоголь“,—говоритъ Бѣлинскій въ тѣхъ же „Литературныхъ мечтаніяхъ“,—принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому не извѣстны его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки?“ Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности? Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя ими о себѣ надежды!“

1) Глава V-я, посвященная Грибоѣдову, выпущена, въ виду того, что она цѣликомъ вошла въ составъ специальной статьи о *Горь отъ ума*: „По поводу новаго изданія старой вещи“ (*Время*, 1862, № 3), вмѣстѣ со значительными дополненіями (см. выпускъ 5-й настоящаго изданія). *Примѣч. В. С.*

Думалъ ли самъ критикъ, когда писалъ онъ эти немногія, но глубокосочувственныя строки, о томъ, въ какой мѣрѣ суждено и осуществиться и потомъ разбиться его надеждамъ... Разумѣется, нѣтъ. Онъ шель потомъ съ Гоголемъ рука объ руку, толкуя, поясняя его, разливая на массу свѣтъ его высокихъ произведеній. Гоголь сталъ литературнымъ вѣрованіемъ Бѣлинскаго и цѣлой эпохи,—и здѣсь мѣсто опредѣлить свойства его великой художественной природы, до минуты ея болѣзненнаго разложенія, ибо этими свойствами опредѣляются и степень и значеніе вліянія его на всю послѣдующую эпоху литературнаго движенія.

Всякое дѣло получаетъ значеніе по плодамъ его, и каковъ бы ни былъ талантъ поэта, одного только таланта, какъ таланта, еще недостаточно. Важное дѣло въ поэтѣ то, для чего у нѣмцевъ существуетъ общепонятный и общеупотребительный терминъ die Weltanschauung, что у насъ, tant bien que mal, переводится „міросозерцаніемъ“.

Міросозерцаніе, или, проще, взглядъ поэта на жизнь, не есть что-либо совершенно личное, совершенно принадлежащее самому поэту. Широта или узкость міросозерцанія обуславливается эпохой, страной, однимъ словомъ,—временными и мѣстными историческими обстоятельствами. Геніальная натура, при всей своей крѣпкой и несомнѣнной самости или личности, является, такъ сказать, фокусомъ, отражающимъ крайніе, истинные предѣлы современнаго ей мышленія, послѣднюю, истинную степень развитія общественныхъ понятій и убѣжденій. Это мышленіе, эти общественныя понятія и убѣжденія возводятся въ ней, по слову Гоголя, „въ перль созданія“, очищаясь отъ грубой примѣси различныхъ уклоненій и односторонностей. Геніальная натура носить въ себѣ, такъ сказать, кладъ всего неперемѣннаго, что есть въ стремленіяхъ ея эпохи. Но, отражая въ себѣ эти стремленія, не служить имъ рабски, а властвуетъ надъ ними, глядя яснѣе многихъ впередъ. Противорѣчія примиряются въ ней высшими началами разума, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безконечная любовь.

Отношеніе такой геніальной природы къ окружающей ее и отражающейся въ ея созданіяхъ дѣйствительности только на первый взглядъ представляется враждебнымъ. Вглядитесь глубже, и во враждѣ, въ желчномъ негодованіи увидите вы любовь, только разумную, а не слѣпую; за мрачнымъ колоритомъ картппы ясно будетъ сквозить для васъ сіяніе вѣчнаго идеала, и, къ пзумленію

вашему, нравственно выше, благороднѣе, чище выйдете вы изъ адскихъ терзаній Отелло, изъ безвыходныхъ мукъ морально безсильнаго Гамлета, изъ грязной тины мелкихъ гражданскихъ преступленій, раскрывающейся предъ вами въ „Ревизорѣ“; и пусть холодъ сжималъ ваше сердце при чтеніи „Шинели“,—вы чувствуете, что этотъ холодъ освѣжилъ и отрезвилъ васъ, и нѣтъ въ вашемъ наслажденіи ничего судорожнаго, и на душѣ у васъ какъ-то торжественно. Міросозерцаніе поэта, невидимо присутствующее въ созданіи, примирило васъ, уяснивши вамъ смыслъ жизни. Поэтому созданіе истиннаго художника въ высокой степени нравственно, не въ томъ, конечно, пошломъ и условномъ смыслѣ, надъ которымъ подѣломъ смѣется нашъ вѣкъ: избави насъ небо отъ той нравственности, которая до сихъ поръ еще готова видѣть въ Пушкинѣ безнравственнаго поэта и въ герояхъ его—уголовныхъ преступниковъ ¹⁾, которая до сихъ поръ еще не прощаетъ Мольеру его Тартюфа и доискивается атеизма въ Шекспирѣ. Нѣтъ, созданіе истиннаго художника нравственно въ томъ смыслѣ, что оно—живое созданіе. Оживите передъ вами лица Шекспировыхъ драмъ, обойдитесь съ ними, какъ съ живыми личностями, призовите ихъ вторично на судъ, и вы убѣдитесь, что Немезида, покаравшая или помиловавшая ихъ, полна любви и разума. Даже не нужно и убѣждаться въ томъ, что совершенно непосредственно сознается, осязательно чувствуется.

Въ сердцѣ у человѣка лежатъ простыя вѣчныя истины, и по преимуществу ясны онѣ истинно-геніальной натурѣ. Отъ этого и сущность міросозерцанія одинакова у всѣхъ истинныхъ представителей литературныхъ эпохъ, различенъ только цвѣтъ. Одну и ту же глубокую, живую вѣру и правду, одно и то же тонкое чувство красоты и благоговѣнія къ ней встрѣтите вы въ Шекспирѣ, въ Гоголѣ, въ Гёте и въ Пушкинѣ; различіе можетъ быть только въ степени и въ цвѣтѣ чувствованія, но та же самая нота звучитъ и въ напряженномъ паосѣ Гоголя, и въ мѣрно-ровномъ, блестящемъ теченіи творчества Гёте, и въ благоуханной простотѣ Пушкина, и въ строго-безукоризненномъ величіи Шекспира. Мы вѣримъ Гёте, когда слышимъ изъ устъ его слово его жизни, спокойное и твердое слово юноши-старца:

¹⁾ Взглядъ, проводимый въ „Маякѣ“ Бурачка; противъ этого узкаго взгляда Грягорьевъ неоднократно возражалъ въ своихъ статьяхъ.

Das Wahre war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden,
Das alte Wahre fasz es an! ¹⁾

и понимаемъ, что эта великая натура, вопреки воплямъ Менцелей и писку разныхъ насѣкомыхъ, отъ сердца сказала: „О высокихъ мысляхъ и чистомъ сердцѣ должны мы просить Бога“. Мы вѣримъ Пушкину, когда говорить онъ намъ:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Средь горестей, заботъ и тревоженья...

Мы повсюду за живыми лицами Шекспировыхъ драмъ сочувствуемъ великой мужеской личности самого творца и внимаемъ разумно-любовному слову жизни; мы слышимъ тоску по идеалѣ въ созданіяхъ Гоголя, все равно, съ кѣмъ ни знакомить онъ насъ, съ Тарасомъ ли Бульбой, или съ Маниловымъ, съ Акакіемъ ли Акакіевичемъ, или съ ослѣпляющей, какъ молнія, красотой Аннунціаты. И какое таинственное чутье указываетъ гениальной натурѣ предѣлы въ созданіи, что охраняетъ ее отъ двухъ золъ: отъ рабской копировки явленій жизни и отъ ходульной идеализаціи, что заставляетъ ее остановиться въ-время, что, наконецъ, хранить въ ней самой такъ свято, такъ неприкосновенно, завѣщанное ей ея слово жизни?.. Одна бы кажется недомолвка, — и Акакій Акакіевичъ поразилъ бы васъ не трагическимъ, а сентиментально-плаксивымъ впечатлѣніемъ; еще бы одна черта, — и Миньона стала бы фальшивой, хотя блестящей Эсмеральдой; лишняя минута въ жизни Татьяны или лишній порывъ въ простомъ разсказѣ о капитанской дочкѣ, — и эти созданія потеряли бы свою недосягаемую простоту; немного гуще краски въ изображеніи Офеліи или Дездемоны, — и гармонія, цѣлость, полнота „Отелло“ и „Гамлета“ были бы нарушены.

Истинный художникъ самъ вѣруетъ въ разумность создаваемой имъ жизни, свято дорожитъ правдою, и оттого мы въ него вѣруемъ, и оттого въ прозрачномъ его произведеніи сквозитъ очевидно созерцаемый имъ идеалъ: фигуры его рельефны, но не до такой

¹⁾ Отъ вѣка правда пребывало
И лучшихъ всѣхъ соединяло.
Наполни правдой старой грудь!

степени, чтобы прыгали изъ рамъ, за ними есть еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному, что ихъ самихъ связываетъ незримою связью съ безконечнымъ. Однимъ словомъ, какъ говорить Гоголь въ своемъ глубокомъ по смыслу *Портретъ*, „предметы видимаго міра отразились сперва въ душѣ самого художника“— и оттуда уже вышли не мертвыми сколками съ видимыхъ явленій, а *живыми*, самостоятельными созданіями, въ которыхъ, какъ Гоголь же говоритъ, „просвѣчиваетъ душа создавшаго“.

Гоголь, одна изъ такихъ предъизбранныхъ гениальныхъ натуръ, пояснилъ намъ отчасти процессъ такого изнутри выходящаго творчества. Вотъ это многозначительное, хотя болѣзненное признание, подавшее поводъ къ различнымъ кривымъ и дѣтскимъ толкамъ и даже, къ вѣчному стыду русской критики, къ насмѣшкамъ. Великій художникъ, явѣе и враговъ своихъ и поклонниковъ, опредѣляетъ здѣсь и свойство, и значеніе своего таланта, и пружины своего творчества, и, наконецъ, даже свою историческую задачу.

„Герои мои,—говоритъ Гоголь,—потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирали кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара *выставлять такъ ярко пошлость жизни*, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы *крупно* въ глаза всѣмъ. *Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго нѣтъ у другихъ писателей*“ (*Переписка съ друзьями*, стр. 141.)

Останавливаемся нѣсколько здѣсь, и замѣтимъ, что поэтъ напрасно боялся открыть это душевное обстоятельство. Оно, по нашему мнѣнію, относится къ художнику, въ широкой натурѣ котораго заключены и „добрая и злая“. Много чести дѣлаетъ человѣку подобный испугъ отъ самого себя, но Гоголь, какъ художникъ, долженъ былъ быть таковымъ, чтобы могъ сказать міру свое слово, и все, что онъ говоритъ о себѣ, какъ человѣкъ, должно относить къ художнику.

„Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство,—продолжаетъ онъ,—по достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ

въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мной“.

„Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также ни одной картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность, но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. *Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу.* Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ, но лучшее изъ нихъ было *желаніе быть лучшимъ*“. „Я сталъ, — говоритъ далѣе поэтъ, — надѣлать своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моей собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: *взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, стараясь себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и вѣзмъ, чѣмъ ни попало.* Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего въ началѣ для меня самого, онъ бы точно содрогнулся“.

Поздравляемъ тѣхъ близорукихъ или ослѣпленныхъ критиковъ, которые видѣли въ этомъ признаніи какое-то ложное смиреніе. Повторяемъ опять, что здѣсь мы оставляемъ нравственную, лично человѣческую сторону, забываемъ странное смѣшеніе признаній нравственныхъ съ эстетическими: беремъ эти мѣста, какъ матеріаль, бросающій ясный свѣтъ на процессъ художественнаго творчества, о чемъ Гоголь, разумѣется, не думалъ. Для насъ это—ключъ къ гениальной натурѣ и къ ея творчеству. Двѣ черты ярко обозначаются въ этомъ саморазложеніи: съ одной стороны, природа многосторонняя, въ которой Божій міръ отражается со всѣмъ разнообразіемъ дурного и хорошаго, съ другой стороны, природа сосредоточенно-страстная, тонко чувствующая, болѣзненно раздражительная. Эта сосредоточенная страстность, эта способность болѣзненно, т.-е. слишкомъ чутко, отзываться на все, и составляетъ, вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ къ идеалу, особенный цвѣтъ Гоголевской гениальности. Гёте спокойно, ясно отражалъ въ себѣ

дѣйствительность и — столько же многообразная, но сангвиническая натура — отбрасывалъ ее отъ себя, какъ шелуху, высвобождаясь безпрестанно изъ-подъ ея вліянія, устанавливая въ себѣ одномъ центръ. Пушкинъ былъ чистымъ, возвышеннымъ и гармоническимъ эхомъ всего, все претворяя въ красоту и гармонию; — Шекспиръ постоянно носилъ въ себѣ свѣтлый характеръ Генриха V и, какъ тотъ изъ отношеній съ Фальстафомъ, выходилъ цѣль и съ яснымъ челомъ, съ вѣчнымъ сознаніемъ собственныхъ силъ, изъ мукъ Макбета, Отелло и Гамлета. Гоголю дано было всѣ язвы износить въ себѣ, и слѣды этихъ язвъ вѣчно въ себѣ оставить. Натура холерически-меланхолическая, склонная къ безконечной вдумчивости, подверженная борьбѣ со всѣми темными началами и между тѣмъ сама въ себѣ носящая залогъ спасенія, желаніе быть лучшимъ, стремленіе къ идеалу, — стремленіе, обусловленное въ своей возможности тою же страстностью и раздражительностью. Какъ до непомѣрно-громадныхъ размѣровъ разрастаются въ этой душѣ различныя противорѣчія дѣйствительности, такъ же отзывается она и на красоту, истину и добро. Творецъ Акакія Акакіевича есть вмѣстѣ и творецъ Аннунціаты. Въ одну изъ страшныхъ минутъ своей моральной жизни эта великая натура высказала стонами и воплями свое отношеніе къ идеалу. „Замираетъ отъ ужаса душа, — говоритъ поэтъ, какъ бы пожираемый огнемъ той таинственной любви, которая и свѣтитъ тихимъ свѣтомъ, и жжетъ пламенемъ неугасимымъ, и поражаетъ, какъ мечъ обоюдоострый, — при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пылъ все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чужа исполинскія возрастанія и плоды, которые мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся“.

Отношеніе подобной натуры къ дѣйствительности, ее окружающей и ею отражаемой, выразилось, опять-таки по ея же свойству, въ юморѣ, и притомъ въ юморѣ страстномъ, гиперболическомъ. Историческая задача ея была — сказать, что дрянъ и тряпка стали всякъ человѣкъ, выставить „пошлость пошлаго человѣка“, свести съ ходуль такъ называемаго добродѣтельнаго человѣка, уничтожить все самообольщеніе, привести, однимъ словомъ, къ полному христіанскому сознанію, — но спокойно, безстрастно она сдѣлать этого не могла. Двойной путь предстоялъ художнику въ обращеніи съ

этою дѣйствительностью: или дать волю собственному болѣзненному раздраженію и негодованію, или просто списывать. Ни того, ни другого Гоголь, по натурѣ своей, сдѣлать не могъ. Не могъ онъ холодно списывать, потому что самъ на себѣ носилъ язвы, имъ изображаемыя; не увлекся онъ и личною раздражительностью, потому что весь проникнуть былъ желаніемъ усовершенствованія. Тѣ чудовища, которыя, по признанію его, выливались изъ-подъ пера его, для него были чудовищами, и явились на свѣтъ Божій въ произведеніяхъ другихъ, которые пошли по его пути, но не руководились его свѣтомъ, явились въ господинѣ Голядкинѣ, господинѣ Прохарчинѣ и другихъ исчадіяхъ, пропитанныхъ зловоніемъ внутренней болѣзни. Съ другой стороны, и голая копировка дѣйствительности выступила ярко во многихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ другая крайняя сторона того же Гоголя. Въ произведеніяхъ этихъ двухъ натуральныхъ школъ безспорно явилось много таланта, въ особенности въ послѣдней,—но какъ въ болѣзненномъ до чудовищности юморѣ, подъ вліяніемъ котораго явились различныя чудовища безъ формы и вида, съ одной громадной и вмѣстѣ мелочной претензіей, такъ и въ неліцепріятномъ изображеніи различныхъ повседневныхъ явленій раздвоился полный и цѣльный Гоголь.

Гоголь впервые выступилъ на литературное поприще съ своими *Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки*. Это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя, какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый юморъ простодушенъ, какъ юморъ народа, еще не слышать того грустнаго смѣха, который послѣ является „единственнымъ честнымъ лицомъ“ въ произведеніяхъ Гоголя ¹⁾, и само особенное свойство таланта поэта, *свойство очертить всю пошлость пошлаго человека*, выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно,—и легко и свѣтло отъ того на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самого поэта: надъ нимъ какъ будто еще развернулось синимъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украйны. Здѣсь проявляется необычайная тонкость его поэтическаго чувства. Можетъ быть, ни одинъ писатель не одаренъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигаетъ такъ пласти-

1) Выраженіе самого Гоголя (въ „Театральномъ развѣздѣ“).

ческой красоты, красоты полной, существующей для всѣхъ и каждаго, какъ его Аннунціата, никто, наконецъ, такъ не полонъ сознанія о прекрасномъ физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и потому самому ни одинъ писатель не обдаетъ души вашей такой тяжелой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомикъ, по частямъ разнимаетъ человѣка... Въ *Вечерахъ на хуторѣ* еще не видать этого безпощаднаго анализа, юморъ еще только причудливо граціозенъ,—въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленика, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ ли очеркѣ характера Ивана Федоровича Шпоньки, въ которомъ таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина, въ этомъ бытѣ, простомъ и непосредственномъ бытѣ Украйны, поэтъ еще видитъ свою красавицу Оксану, свою Галю—чудное существо, которое спитъ въ „божественную ночь, очаровательную ночь“, спитъ, распустивъ черныя осы, подъ украинскимъ небомъ, на которомъ серпомъ стоитъ мѣсяцъ; тутъ все еще полно таинственнаго обаянія: прозрачность озера, и фантастическія пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленницы-паночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью. А Сорочинская ярмарка съ ея шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскіе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь за гробомъ,—эти Дантовскіе образы народныхъ преданій,—все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чудно, какъ лепетъ ребенка, какъ сказки старухи-няни.

Но не долго любовался поэтъ этимъ бытомъ, радовался безпечной радостью художника, возсоздавая этотъ бытъ; онъ кончилъ его апотеозу великою эпопеею о Тарасѣ Бульбѣ и дивной легендой о Віѣ, гдѣ вся природа его страны говоритъ съ нимъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь и гдѣ между тѣмъ въ тоскѣ безысходной, въ замираніи сердца мчащагося съ вѣдьмою по безконечной степи философа Хомы Брута слышится тоска самого поэта и невольно переходитъ на читателя. Раздѣлавшись навсегда съ обаяніемъ своего родного края въ этой части своего „Миргорода“, Гоголь уже взглянулъ окомъ аналитика на дѣйствительность: простодушно, какъ прежде, принялся было онъ чертить истинно-человѣческія фигуры Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны—и остановился въ тяжеломъ раздумьѣ надъ страшнымъ трагическимъ *Fatum*, лежащимъ въ самой крѣпости, въ самой не-

посредственности ихъ отношеній. Съ гиперболически веселымъ юморомъ изобразилъ онъ безплоднаго существованія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича и, кончая свою картину, вынужденъ былъ воскликнуть: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа“, и имѣлъ право сказать это, какъ имѣлъ право въ концѣ своей послѣдней книги сказать: „Пусто и страшно становится въ твоемъ мѣрѣ, мой Боже“. Съ этой минуты онъ взялъ уже въ руки анатомическій ножъ, съ этой минуты обильно потекли уже „сквозь зримый міру смѣхъ незримыя слезы“. Но страшно ошиблись бы тѣ, которые въ этихъ слезахъ увидѣли бы только слезы негодованія. Паѳосъ Гоголя, — не ювеналовскій паѳосъ, не паѳосъ отчаянія, производимаго противорѣчіями дѣйствительности; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить самыя патетическія повѣсти, каковы, напримѣръ, „Записки сумасшедшаго“, „Невскій проспектъ“, съ прекрасными въ своемъ родѣ лирически-дидактическими произведеніями князя Одоевскаго. Вездѣ у Гоголя выручаетъ юморъ, и этотъ юморъ полонъ любви къ жизни и стремленія къ идеалу; вездѣ, однимъ словомъ, виденъ поэтъ, чуждый всякой задней мысли. Этотъ юморъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ своихъ въ „Носѣ“, оригинальнѣйшемъ и причудливѣйшемъ произведеніи, гдѣ все фантастично и вмѣстѣ съ тѣмъ все въ высшей степени поэтическая правда, гдѣ все понятно безъ толкованія и гдѣ всякое толкованіе убило бы поэзію...

Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и, наконецъ, въ „Ревизорѣ“, одинъ только смѣхъ выступилъ честнымъ и карающимъ лицомъ, а между тѣмъ тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?), очевидны сквозъ этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ и тяжелыхъ въ массѣ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностью предъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина и, такъ сказать, развороченная однимъ прикосновеніемъ пустаго проѣзжаго чиновника; этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона; глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую брѣнную удочку, — все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ поръ удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только

подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которой никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ, или недобросовѣстности, озлобленной на русскую литературу вообще и на одного изъ ея великихъ представителей въ особенности. Разсуждающіе о несообразности этого *происшествія* вовсе не понимаютъ ни поэтической гиперболы, ни смысла комедіи Гоголя, не понимаютъ, что чѣмъ пустѣе, такъ сказать, глаже, безцвѣтнѣе Хлестаковъ, тѣмъ очевиднѣе комическая Немезида надъ беззаконіями города.

Мы сказали, что особенное свойство Гоголевскаго юмора обусловлено отношеніемъ натуры поэта къ дѣйствительности. Съ одной стороны, эта натура, по признанію самого Гоголя, многосторонняя и, стало быть, способна отражать въ себѣ дѣйствительность со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ея явленій и притомъ отражать ярко и цѣльно; съ другой стороны, эта натура въ высшей степени страстная, на которую всѣ противорѣчія идеалу дѣйствуютъ бо-лѣзненно. Руководи Гоголя только личное раздраженіе, будь оное, однимъ словомъ, не въ такой степени исполненъ чутья жизни, оное былъ бы только великимъ лирикомъ-дидактикомъ; будь въ немъ меньше пастоящаго стремленія къ идеалу, раздраженіе его противорѣчіями дѣйствительности отзывалось бы паэосомъ нѣсколько натянутымъ. Вещи познаются по сравненію, и чтобъ оцѣнить Гоголя, стоитъ только сравнить его произведенія съ другими, тоже талантливыми произведеніями. Есть, на примѣръ, на первый взглядъ, нѣчто общее между паэосомъ „Насмѣшки мертвеца“, „Города безъ имени“, „Квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ“ и другихъ произведеній талантливаго и мыслящаго Одоевского и паэосомъ „Невскаго проспекта“, „Записокъ сумасшедшаго“, „Шинели“, „Рима“; но взгляните пристальнѣе,—и вы увидите безконечную разницу, вслушайтесь внимательнѣе,—и въ прекрасныхъ дидактическихъ разсказахъ Одоевского вы услышите только отрицательный паэосъ, паэосъ негодованія, пополамъ съ горькою ироніею Гамлета, съ улыбкою скорби скептика, съ неопредѣленными стремленіями мистика. Вы чувствуете, что вражда не осилила здѣсь дѣйствительности, не обладаетъ ею мужески, а только плачетъ надъ нею, только обѣщаетъ что-то лучшее въ туманной, безграничной дали. Въ паэосѣ Гоголя и въ самыхъ капризныхъ причудахъ его юмора вы чувствуете всегда живое чутье жизни, любовь къ жизни; его идеалы красоты и правды существуютъ для него въ крѣпкихъ ося-

заемыхъ формахъ. Съ другой стороны, сравните, напримѣръ, „Шипель“ съ однородной почти съ нею по основнымъ мыслямъ повѣстью даровитаго же, хотя замолокнувшаго уже писателя, Н. Ф. Павлова: „Демонъ“. Сравните хоть сцену съ начальникомъ у того и другого писателя! А между тѣмъ вы не можете не сознаться, читая „Демона“, что талантъ тутъ явно присутствуетъ, что анализъ тутъ чрезвычайно глубокъ; можетъ быть, оттого это не дѣйствуетъ, что анализъ черезчуръ уже старается быть глубокимъ, что талантъ принимаетъ чудовища своего фантастически напряженнаго воображенія за дѣйствительныя, живыя созданія, и страданія бѣднаго Ивана Петровича, помѣшавшагося на мысли, что бѣдная жизнь заѣстъ вѣкъ его хорошенькой половины, растутъ до невѣроятно-колоссальныхъ размѣровъ; и странно то, что чѣмъ больше они стараются расти, тѣмъ меньше вы становитесь способны имъ сочувствовать; и весь паеосъ автора пропадаетъ задаромъ. Напротивъ, какъ просто рассказано обхожденіе чиновниковъ съ Акакіемъ Акакіевичемъ и его горе при потерѣ шинели, а сердце ваше сжимается; и вмѣстѣ съ тѣмъ въ какомъ-то упоеніи восторга наслаждаетесь вы этимъ вѣрнымъ художественнымъ анализомъ.

Мы не хотимъ сравнивать Гоголя съ позднѣйшими произведеніями школы, которая была представительницею крайности его болѣзненнаго юмора; мы не понимаемъ этихъ страшныхъ, чудовищныхъ сновъ, гдѣ, наконецъ, самые сапоги получаютъ фізіономію и являются фантастическими существами. Возьмите, напримѣръ, двѣ повѣсти Гоголя, гдѣ онъ изобразилъ намъ типъ чрезвычайно исключительный, типъ художника. Музыкантовъ, поэтовъ, живописцевъ, вообще художниковъ и до него и послѣ него весьма часто изображали въ нашей литературѣ; это была даже общая тема повѣстей тридцатыхъ годовъ нашей словесности, тема, успѣвшая уже въ сороковыхъ годахъ стать совершенно избитою темою; по крайней мѣрѣ, въ эти годы уже потерялъ всякій кредитъ и совершенно опошлился романтическій способъ представленія художниковъ и поэтовъ въ манерѣ повѣстей Полевого и драмъ г. Кукольника. У Полеваго разъ весьма наивно обличилась разгадка этого способа; послѣднее слово направленія сказалось у него въ „Аббадоннѣ“, гдѣ поэты и художники ставятся на одну доску съ сумасшедшими. Наивно сказалось это слово потому, что ничего дурного не подразумѣвалъ въ такомъ сопоставленіи романистъ, написавшій даже повѣсть подъ заглавіемъ: „Блаженство безумія“. Дѣйствительно,

художники и поэты гг. Полевого, Кукольника, Тимофеева, заговаривающіеся ли какъ „Доминикино“ до дѣтскаго лепета, въ родѣ: „Цаца ляля, цаца ляля!“—отвергающіе ли всякія права ума въ земномъ мірѣ, какъ Джакобо Санназаръ, достойны, по всей справедливости, заключенія иногда въ сумасшедшіе, иногда въ смирительные дома. Должно сказать притомъ, что появленіе въ литературѣ нашей этого типа, правильно или неправильно взятаго, произошло вовсе не изъ потребностей общежитія, и что самое отношеніе къ типу было неоригинально.

Гоголь, призванный разоблачить фальшь всего того, что въ нашей жизни взято напрокатъ изъ чужихъ жизней, или что, подъ влияніемъ внѣшняго формализма, развилось въ ней въ неорганической наростъ,—Гоголь разомъ порѣшилъ и въ этомъ дѣлѣ всѣ фальшивыя отношенія мысли къ типу своимъ „Невскимъ проспектомъ“. Какую поразительную черту провелъ онъ здѣсь между положеніемъ художника въ другихъ странахъ и положеніемъ его въ нашемъ общежитіи! Какъ отгѣнилъ онъ лицо художника Пискарева сопоставленіемъ жизни и трагической судьбы его съ судьбою поручика Пирогова! Какую скорбною и вмѣстѣ возвышеннѣйшею ироніею проникнуть поэтъ въ своихъ отношеніяхъ къ этому лицу, которому онъ при всей ироніи своей, обращенной на его *экзотичность*, глубоко и болѣзненно сочувствуетъ и къ которому глубокое же и болѣзненное сочувствіе возбуждаетъ онъ въ читателяхъ! А съ другой стороны, какъ свелъ онъ съ ходуль и возвратилъ въ простую дѣйствительность этотъ типъ, доведенный до крайности смѣшного повѣстями тридцатыхъ годовъ, получившихъ его изъ германской романтической реакціи, или даже изъ вторыхъ рукъ французскаго романтизма. Въ „Невскомъ проспектѣ“ и въ первой части „Портрета“ Гоголь почти исчерпалъ всѣ наличныя отношенія художника къ жизни, отношенія трагическія въ обоихъ этихъ произведеніяхъ: въ одномъ трагическое отношеніе мечтательнаго идеализма художнической природы къ общежитію, въ другомъ не менѣе трагическое поглощеніе художническаго идеализма искушеніями формальнаго общежитія, официальнойностію, внѣшнимъ лоскомъ и рутинерствомъ.

Еще и прежде, впрочемъ, Пушкинъ не менѣе глубоко отнесся къ типу художника, взявши его въ самой условнѣйшей средѣ общежитія. Его „Чарскій“, стыдящійся своего поэтическаго призванія, запирающійся, когда на него нападетъ блажь писать

стихи, и между тѣмъ сознающійся, что никогда онъ не бываетъ такъ счастливъ, какъ въ эпохи этой блажи, тоже созданъ подъ вліяніемъ созерцанія ироническаго, подъ вліяніемъ мысли, весьма пеугѣшительной, о разъединенности художества съ жизнью общества, о томъ, что художники и художество суть въ обществѣ растенія экзотическія. Замѣчательно, что именно тѣ писатели, которые вывели наше искусство изъ теплицъ на вольный воздухъ жизни, развили въ обществѣ внутреннюю потребность искусства, воспитали въ немъ пониманіе искусства, высказали такое ироническое воззрѣніе.

Сравнивая юморъ Гоголя съ юморомъ другихъ юмористовъ: Стерна, Ж. П. Рихтера, Диккенса, Гофманна мы наглядно можемъ убѣдиться въ его особенности. Въ Жанъ-Полѣ, напримѣръ, при всей оригинальной его геніальности, нельзя не видать нѣмецкаго мѣщанства, *kleinstädtisches Wesen*.—Юморъ Гофманна только въ эксцентричностяхъ находитъ спасеніе отъ удушливой тюрьмы мѣщанства и филистерства; юморъ Стерна весь вышелъ изъ скептицизма XVIII вѣка и разлагается на двѣ составныя части, на слезливую сентиментальность и на скептическую иронію Гамлета надъ черепомъ Йорика; юморъ же Гоголя полонъ, цѣленъ, неразложимъ. Диккенсъ такъ же, пожалуй, исполненъ любви, какъ Гоголь, но его идеалы правды, красоты и добра чрезвычайно узки, и его жизненное примиреніе, по крайней мѣрѣ, для насъ, русскихъ, довольно неудовлетворительно, чтобы не сказать пошло; его братцы Чарльсы и другіе добрые герои для насъ приторны. И у насъ на Руси найдутся, пожалуй, образы, которые съ перваго взгляда покажутся похожи на братцевъ Чарльсовъ, и мы любимъ душевно эти образы, эти *добрыя* личности. Но, *во-первыхъ*, въ нихъ нѣтъ методически-пуританской добродѣтели по заданнымъ себѣ напередъ темамъ, а *во-вторыхъ*, надобно спросить себя самихъ: что именно мы въ нихъ любимъ? Одну ли только доброту? Какъ бы не такъ? Мы любимъ въ нихъ смышленность, здоровый умъ, извѣстный юморъ, соединенные съ добротой. Мы скорѣе за означенные качества легко перевариваемъ въ человѣкѣ примѣсъ маленькой грязцы, дряни, мошенничества, нежели уважимъ тупоуміе за одну доброту. Не даромъ же у насъ пословица, что „простота хуже воровства“.

Мы привели уже мѣсто, гдѣ самъ поэтъ высказалъ съ величайшею искренностью и простотою побудительныя причины своего

юмора. „Не думай, однако-же, послѣ моей исповѣди,—оканчива-
еть онъ свое третье письмо по поводу „Мертвыхъ душъ“ („Переп.
съ друзьями“, стр. 149),—чтобы я самъ былъ такой же уродъ,
каковы мои герои; нѣтъ, я не похожъ на нихъ. *Я люблю добро,*
я ищу его и стараю имъ, но я не люблю моихъ мерзостей и не
держу ихъ руку, какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей мо-
ихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду
воевать и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ, и это вздоръ,
что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто человѣку только
и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ
и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только въ глупой свѣтской
башкѣ могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ мно-
гихъ своихъ недостатковъ избавился тѣмъ, что передалъ ихъ сво-
имъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ, и заставилъ другихъ также
надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многого тѣмъ, что
мишиши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою
выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ
съ тою гадостью, которая всѣмъ видна. Тебѣ объяснится также
и то, почему не выставилъ я до сихъ поръ читателю явленій
утѣшительныхъ и не избиралъ въ мои герои добродѣтельныхъ
людей. *Ихъ въ голову не выдумаешь.* Пока не станешь самъ хотя
сколько-нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоян-
ствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ ка-
чествъ,—мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и
какъ земля отъ неба,—будетъ далеко отъ правды. Выдумывать
кошмаровъ я также не выдумывалъ; кошмары эти давили соб-
ственную мою душу: что было въ душѣ, то изъ нея и вышло“.

Такова была цѣльная и гармоническая художественная натура
поэта до эпохи ея болѣзненнаго уклоненія, до эпохи того страп-
наго переворота, который окончателно содѣйствовалъ къ раздво-
енію направленій русской мысли. Но объ этой несчастной эпохѣ
говорить еще здѣсь не мѣсто. Мы начинаемъ здѣсь съ того, во
что еще полно и цѣльно вѣрилъ энергичнѣйшій представитель
нашего критическаго сознанія Виссаріонъ Бѣлинскій.

VII.

Къ числу его глубочайшихъ литературныхъ вѣрованій принад-
лежала и поэзія Лермонтова... На этомъ основаніи мы, прежде

чѣмъ обозрѣть литературу тридцатыхъ годовъ—захватываемъ въ общихъ чертахъ и это необыкновенное явленіе, оставившее такой глубокой слѣдъ на сороковыхъ годахъ.

По крайней мѣрѣ, мы позволимъ себѣ опредѣлить главныя свойства этой совершенно трагической натуры.

Въ Лермонтовѣ—двѣ стороны. Эти двѣ стороны: *Арбенинъ* (я беру нарочно самую рѣзкую сторону типа) и *Печоринъ*. Арбенинъ (или все равно: *Мицри*, *Арсеній* и т. д.), это—необузданная страстность, рвущаяся на широкой просторъ, почти что безумная сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ (припомните воспитаніе Арбенина или Арбеньева, какъ названо это лицо въ известномъ Лермонтовскомъ отрывкѣ), вопіющая противъ всякихъ общественныхъ понятій и исполненная къ нимъ ненависти или презрѣнія, сила, которая сознаетъ на себѣ „печать проклятыя“ и гордо носить эту печать, сила отчасти звѣрская, и которая сама въ лицѣ „Мицри“ радуется братству съ барсами и волками. Пояснить возможность такого настроенія души поэта, не можетъ, кажется мнѣ, одно вліяніе музы Байрона. Положимъ, что Лара, Манфредъ обаяніемъ своей поэзіи, такъ сказать, подкрѣпили, оправдали тревожныя требованія души поэта, но самые элементы такого настроенія могли зародиться только или подъ гнетомъ обстановки, сдавливающей страстные порывы *Мицри* и *Арсенія*, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ выросли впечатлѣнія *Арбенина*.

Представьте же подобнаго рода, подъ гнетомъ ли, на просторѣ ли развившіяся стремленія—въ столкновеніи съ общежитіемъ и притомъ съ условнѣйшею изъ условныхъ сферъ его, съ сферою свѣтскою! Если эти стремленія—точно то, за чтó они выдаютъ себя, или, лучше сказать, чѣмъ они сами себѣ кажутся, то они суть совсѣмъ противообщественныя стремленія, не только что противообщественныя въ смыслѣ условномъ; и паденіе или казнь ждутъ ихъ неминуче. Мрачныя, зловѣщія предчувствія такого страшнаго исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и особенно ясно въ стихотвореніи: „Не смѣйся надъ моею пророческой тоской“... Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, выросшія опять-таки подъ гнетомъ или на дикомъ просторѣ, среди своевольныхъ беззаконій обстановки, то первое, что закрадется въ душу человѣка, тревожимаго ими или встрѣтившаго отпоръ имъ въ

общежитіи, будетъ, конечно, сомнѣніе, но еще не истинно-разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ личности, въ средствахъ ея.

Вглядитесь внимательнѣе въ эту нелѣпую, съ дѣтской небрежностью набросанную, хаотическую драму „Маскарадъ“, и слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя *Звѣздича*, котораго одна изъ героинь опредѣляетъ такъ:

безнравственный, безбожный,
Себялюбивый, злой, но слабый человѣкъ!

Въ созданіи *Звѣздича* выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, — схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія. Слѣды этой же первой эпохи, породившей разувѣреніе въ собственныхъ силахъ, отпечатлѣлись во множествѣ стихотвореній, изъ которыхъ одно замѣчательно наиболѣе по строфѣ, опредѣляющей вполнѣ минуту подобнаго душевнаго настроѣнства:

Любить? но кого же? на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
*Въ себя ли залянешь? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и горе, и все тамъ ничтожно!*

И много неудавшихся *Арбениныхъ*, оказавшихся при столкновеніи со свѣтскою сферою жизни Соллогубовскими *Леонинами*, отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія: одни только *Звѣздичи* остались собою совершенно довольны.

Между тѣмъ лицо *Звѣздича* и нѣсколько подобныхъ стихотвореній—это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной, т.-е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т.-е. *комическое* и притомъ безпощадно комическое отношеніе къ дикому произволу личности, оказавшемуся несостоятельнымъ. Но гордость рѣдко можетъ допустить такой поворотъ.

Въ стремленіи къ идеалу, или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ признанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку непріятно и тяжело сознавать свои слабыя стороны, это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: задача здѣсь преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ

сторонамъ своимъ отнестись съ полною, беспощадною справедливостію. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ—уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе несравненно болѣе тонкое и опасное; именно: преувеличить свои слабости до той степени, на которой онѣ получаютъ извѣстную значимость, и, пожалуй, даже, по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка—величавость и обаятельность зла. Мысль эта станетъ совершенно понятна, если я напомню обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ, не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура, но Печорина и Ловласа—психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ, какъ

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы...

Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ нашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою—ваше трагическое воззрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ Гоголевскимъ Собакинымъ, скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печоринимъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужъ если на то пошло, Грушницкимъ, чѣмъ Милашинымъ Островскаго, потому что Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ волонъ въ насъ самихъ и вокругъ насъ! Сколько людей *желаютъ* показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлость*, сколько гаденькихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ и тотъ зоветъ городничиху „удалиться подъ сѣнь струй“; Меричъ въ „Бѣдной невѣстѣ“ самодовольно проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ „возмутилъ миръ ея невинной души“. Тамаринъ радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ, даже и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т.-е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость вмѣсто прямого поворота предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули

безсильную страстность души, признать ея требованія все-таки правыми; переживши минуты презрѣнія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить, однако, вражду и презрѣніе къ дѣйствительности. Посредствомъ такого изворота лицо Звѣздича въ процессѣ Лермонтовскаго развитія переходитъ въ типъ Печорина. Въ сущности, что такое Печоринъ? Смѣсь арбенинскихъ беззаконій съ свѣтскою холодною и безсовѣстною Звѣздича, котораго всѣ неблестящія и невыгодныя стороны пошли въ созданіе Грушницкаго, существующаго въ романѣ исключительно только для того, чтобы Печоринъ, глядя на него, какъ можно болѣе любовался собою, и чтобы другіе, глядя на Грушницкаго, болѣе любовались Печоринымъ. Что такое Печоринъ?—Существо совершенно двойственное, челоуѣкъ, смотрящійся въ зеркало передъ дуэлью съ Грушницкимъ и рыдающій, почти грызущій землю, какъ звѣренокъ Мцыри, послѣ тщетной погони за Вѣрою. Что такое Печоринъ?—Поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола! Арбенинъ съ своими необузданно самолюбивыми требованіями *провалился* въ такъ называемомъ свѣтѣ: онъ явился снова въ костюмѣ Печорина, искушенный сомнѣніемъ въ самомъ себѣ, болѣе уже хитрый, чѣмъ заносчивый, и такъ называемый свѣтъ ему поклонился...

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Романтизмъ.—Отношеніе критическаго сознанія къ романтизму.—Гегелизмъ (1834—1840).

IX.

„*Романтизмъ*“,—писалъ Бѣлинскій въ заключительной статьѣ „Литературныхъ мечтаній“,—вотъ первое слово, огласившее Пушкинскій періодъ; *народность*—вотъ альфа и омега новаго періода. Какъ тогда всякій бумагомаратель изъ кожи лѣзъ, чтобы прослыть *романтикомъ*, такъ теперь всякій литературный мужъ претендуетъ на титулъ *народнаго* писателя. *Народность*—чудесное словечко! Что передъ нимъ вашъ *романтизмъ*! Въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе къ народности весьма замѣчательное явленіе. Не говоря уже о нашихъ романистахъ и вообще новыхъ писателяхъ, взгляните, что дѣлаютъ заслуженные корифеи нашей словесности. *Жуковскій*, этотъ поэтъ, гений котораго всегда былъ прикованъ

въ туманному Альбіону и фантастической Германіи, вдругъ за-былъ своихъ паладиновъ, съ ногъ до головы закованныхъ въ сталь, своихъ прекрасныхъ и вѣрныхъ принцессъ, своихъ колдуновъ и свои очаровательные замки—и пустился писать „Русскія сказки“... Нужно ли доказывать, что эти „Русскія сказки“ такъ же не въ ладу съ русскимъ духомъ, котораго въ нихъ слыхомъ не слышать и видомъ не видать, какъ не въ ладу съ „Русскими сказками“ греческій или нѣмецкій гекзаметръ?.. Но не будемъ слишкомъ строги къ этому заблужденію могущественнаго таланта, увлекавшагося духомъ времени: *Жуковский* вполне совершилъ свое поприще и свой подвигъ; мы больше не въ правѣ ничего ожидать отъ него. Вотъ другое дѣло *Пушкинъ*: странно видѣть, какъ этотъ необыкновенный человекъ, которому ничего не стоило быть народнымъ, когда онъ не старался быть народнымъ, теперь такъ мало народенъ, когда рѣшительно хочетъ быть народнымъ; странно видѣть, что онъ теперь выдаетъ намъ за нѣчто важное то, что прежде бросалъ мимоходомъ, какъ избытокъ или роскошь. Мнѣ кажется, что *это стремленіе къ народности произошло изъ того, что всѣ живо почувствовали непрочность нашей раздражительной литературы и захотѣли создать народную, какъ прежде силились создать раздражительную. Итакъ, опять цѣль, опять усилія, опять старая погудка на новой ладъ.* Но развѣ Крыловъ потому народенъ въ высочайшей степени, что старался быть народнымъ? Нѣтъ; онъ объ этомъ ни мало не думалъ; онъ былъ народенъ, *потому что не могъ не быть народнымъ: былъ народенъ безсознательно*, и едва ли зналъ цѣну этой народности, которую усвоилъ созданіямъ своимъ безъ всякаго труда и усилія. По крайней мѣрѣ, его современники мало умѣли цѣнить въ немъ это достоинство: они часто упрекали его за *низкую природу* и ставили на одну съ нимъ доску прочихъ баснописцевъ, которые были несравненно ниже его. *Слѣдовательно, наши литераторы, съ такою ревностью заботящіеся о народности, хлопочутъ по пустому*“.

Чтобы понять совершенно смыслъ этой правдивой по всему, кромѣ Пушкина, выходки Бѣлинскаго, — должно припомнить факты.

Это было время историческихъ романовъ, выходившихъ дюжинами въ мѣсяцъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ,—романовъ, въ которыхъ большею частью изображенія предковъ были прямо списаны съ кучеровъ, ихъ потомковъ, которыхъ *народность* заклю-

чалась только въ разговорахъ ямщиковъ, да и то ещё подслушанныхъ и переданныхъ невѣрно и несвободно, а *историческое*—въ описаніяхъ старыхъ боярскихъ одеждъ и вооруженій, да столовъ и кушаній, въ которыхъ *оригинальна* была только дерзость авторовъ, изображавшихъ съ равною безцвѣтностью всякую эпоху нашей исторіи... Разумѣется, что я говорю это не о романахъ Загоскина, не о романахъ Полевого, которыхъ никакъ не слѣдуетъ ставить на одну доску съ его драмами—этими несчастными плодами несчастной эпохи его дѣятельности—и въ особенности не о романахъ Лажечникова. Это были блестящія исключенія, хотя, надобно сказать правду, только даровитость и какая то оригинальная задушевность тона выкупаютъ романы Загоскина; только смѣлыя замашки, только стремленія къ проведенію новыхъ историческихъ мыслей, вѣрныхъ или невѣрныхъ, но во всякомъ случаѣ имѣвшихъ отрицательное значеніе, сообщаютъ нѣкоторую жизнь „Симеону Кирдяпѣ“ „Клятвѣ при гробѣ Господнемъ“ и другимъ попыткамъ Полеваго, который вовсе не былъ рожденъ творцомъ и художникомъ; и только романы Лажечникова остались и уцѣлѣли для насъ, со всѣми ихъ огромными, пожалуй, недостатками, но и огромными достоинствами... Все же остальное вполнѣ стоило нападокъ Бѣлинскаго. Писались или, лучше сказать, фабриковались эти штуки по извѣстнымъ рецептамъ: московскія издѣлія по Загоскинскимъ, петербургскія по Булгаринскимъ.

Кромѣ того, историческое повѣтріе ударило и въ другую область, въ область драмы. На сценѣ постоянно горланилъ и хваталъ Ляпуновъ, кобенился Мининъ въ видѣ Дѣвы Орлеанской, и по истинѣ въ грязь стаскивались эти великія и доблестныя тѣни. Опять должно и тутъ исключить нѣсколько попытокъ Хомяковскихъ, несмотря на ихъ странный въ приложеніи къ нашему быту Шиллеровскій лиризмъ, подававшій поводъ къ правдивымъ и язвительнымъ насмѣшкамъ и, пожалуй, Погодинскихъ; хотя менѣе всего къ художеству способенъ достопочтенный нашъ историкъ, и только глубокое знаніе, столь же глубокое чутье историческое и пламенная любовь къ быту предковъ подкупали въ отношеніи къ его драмамъ небольшой кругъ друзей, между прочимъ Пушкина, который вовсе не иронически написалъ къ нему извѣстное письмо объ его Марѣ-Посадницѣ. Замѣчательный фактъ, что Хомяковскія и Погодинскія попытки, т.-е. единственные остатки историко-драматическаго повѣтрія, о которыхъ можно

вспомнить съ уваженіемъ, не пользовались въ то время никакимъ успѣхомъ: на сценѣ свирѣпствовали Ляпуновы и ломались Минины...

Таково было состояніе литературы, которое Бѣлинскій охарактеризовалъ какъ стремленіе къ народности и отдѣлилъ отъ прежняго, отъ стремленія романтическаго. Прежде всего самое отдѣленіе такое было неправильно. Эпоха была и долго еще оставалась романтическою, самъ Бѣлинскій былъ еще въ то время романтикомъ и потому-то впоследствии, разъяснивши себѣ окончательно вопросы, всю свою энергическую вражду обратилъ на романтизмъ, преслѣдуя и бичуя его нещадно... Но понятіе о романтизмѣ до сихъ поръ такое еще мало разъясненное понятіе, что, и воюя съ романтизмомъ, Бѣлинскій долго еще былъ романтикомъ, только въ другой кожѣ, да едва ли и пересталъ быть имъ до конца своего поприща... Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣній,—а если и есть, то они легко могутъ быть опровергнуты фактами, которые изложены будутъ въ сей статьѣ,—что Бѣлинскій второй эпохи своего развитія, т.-е. развитія нашего общаго критическаго сознанія,—эпохи „Наблюдателя“ зеленаго цвѣта и „Отечественныхъ Записокъ“ 1839,—былъ романтикомъ Гегелизма и съ наивно-страстною энергіею бичевалъ въ себѣ и во всѣхъ романтика старой формы, романтика французскаго романтизма.

Да и чтò называть романтизмомъ, мы доселѣ еще едва ли можемъ дать себѣ ясный и окончательный отчетъ.

Поэзія Жуковскаго—романтизмъ.

Гюго—романтикъ.

Полежаевъ и Марлинскій—романтики.

Гамлетъ Полевого и Мочалова—романтикъ.

А Кольцовъ развѣ не романтикъ? А Лермонтовъ въ Арбенинѣ и Мцыри развѣ не романтикъ?

Все это—романтизмъ и все это весьма различно, такъ различно, что не имѣетъ никакихъ связующихъ пунктовъ.

Одинъ нѣмецъ, вѣжета Шмидтъ, написалъ цѣлыхъ двѣ книги о значеніи романтизма—и Боже великій! какихъ чудесъ не встрѣтите вы въ этой книгѣ! Мольеръ, на примѣръ, выходитъ у автора романтикомъ, а Шекспиръ устраняется, выгораживается, а съ нимъ вмѣстѣ и все протестантское изъ романтизма, какъ изъ чего-то позорнаго и ужаснаго. Сколько можно понять изъ истинно-нѣмецки запутаннаго сочиненія г. Шмидта, романтическое рѣшительно сли-

вается для него съ католическимъ, и слово романтизмъ обозначаетъ для него всякую несвободу мысли и чувства, всякое подчиненіе души чему-то смутному, темному, неопредѣленному. Такъ какъ во всякой галиматьѣ, по справедливому замѣчанію Печорина, есть идея, а иногда бываютъ даже и двѣ, то и смутное опредѣленіе романтизма г. Шмидтомъ носить въ себѣ зародышъ идеи.

Дѣйствительно, романтическое въ искусствѣ и въ жизни на первый разъ представляется отношеніемъ души къ жизни несвободнымъ, подчиненнымъ, несознательнымъ,—а съ другой стороны, оно же, это подчиненное чему-то отношеніе—есть и то тревожное, то вѣчно недовольное настоящимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди, и чему недовольно цѣлаго міра,—тотъ огонь, о которомъ говоритъ Мцыри, что онъ

отъ юныхъ дней

Таяся, жилъ въ груди моей....

И онъ прожегъ свою тюрьму....

Начало это—несвободно, потому что оно стихійно,—но оно же, тревожное и кипящее, служить толчкомъ къ освобожденію сознанія отъ стихійнаго; оно же разрушаетъ кумиры темныхъ боговъ, которымъ подчинено еще само, потому что слишкомъ хорошо помнить ихъ силу и вліяніе, испытало на себѣ дѣйствіе, вѣяніе этихъ силъ—но само въ то же время есть вѣяніе. Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ, и Шатобріанъ, одинъ изъ самыхъ наивныхъ романтиковъ, чутьемъ романтика отыскиваетъ романтическія вѣянія въ древнихъ поэтахъ; романтическое есть и въ средневѣковомъ мірѣ, и въ новомъ мірѣ, и въ стремленіяхъ Гётевскаго Фауста, и въ лихорадкѣ Байрона, и въ судорогахъ французской словесности тридцатыхъ годовъ. Романтическое является во всякую эпоху, только что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго моральнаго переворота, въ переходные моменты сознанія, и только въ такомъ его опредѣленіи воздушная и сладко тревожная мечтательность Жуковскаго мирится съ мрачною тревожностью Байрона, а нервная лихорадка Гяура съ пьяною лихорадкою русскаго романтика Любима Торцова.

Я упомянулъ имя Шатобріана—и, въ самомъ дѣлѣ, это одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей одной стороны романтическаго вѣянія, и та страница въ его—*Mémoires d'Outre-tombe*“, гдѣ онъ называетъ себя предшественникомъ Байрона, не покажется нисколько хвастовствомъ тому, кто читалъ Начезовъ,

Рене, Аталу. Что такое Рене, какъ не исповѣдъ самого Шатобриана? Сквозь всю шумиху фразъ и старыхъ формъ, затрудняющихъ для читателей новаго времени чтеніе поэмы „Начезы“, не прорывается ли тотъ недугъ *de la mélancolie ardente*, который, — конечно, не въ одинаковой степени, — грызъ и автора „Генія христіанства“, и автора „Чайльда Гарольда“? Что такое Рене, какъ не болѣзненный первенецъ XIX вѣка, получившій въ наслѣдіе безотрадный скептицизмъ, не совладавшій съ нимъ и не усвоившій, какъ Байронъ, рокового наслѣдства, а бросившійся, напротивъ, съ отчаянія въ обожаніе разрушающихся, но величавыхъ старыхъ формъ. Что такое Рене, какъ не тотъ же Корсаръ и Лара, только не переступившій страшной бездны, въ которую они ринулись, а остановившійся передъ нею въ болѣзненномъ недоумѣніи? А помните ли вы исповѣдъ Эвдора въ „*Les Martyrs*“ — единственный, но зато истинно поэтический оазисъ этого надутаго романа? Надъ этимъ отрывкомъ есть романтическое вѣяніе переходныхъ эпохъ: въ тяжелой скорби, терзающей героя, въ безсознательномъ пресыщеніи жизнью его и всѣхъ лицъ, его окружающихъ, въ безумно-лихорадочномъ порывѣ страсти къ Велледѣ пробивается тотъ же романтическій недугъ, то тревожное начало, которое равно способно и къ плачу по старомъ мірѣ и къ его разрушенію, только неспособно ни къ какому созиданію. Поэтому у Шатобриана есть странное чутье на открытіе романтической струи повсюду; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только развернуть на любой страницѣ второй томъ „*Génie du Christianisme*“. Онъ слышитъ романтическія вѣянія въ стихахъ Одиссея, подмѣчаетъ порывы романтическіе у Виргилія, ищетъ только этой одной струи и, надобно прибавить, указываетъ на нее всегда правильно и ею только въ состояніи отъ души увлекаться...

Можетъ быть, никто такъ глубоко и болѣзненно не почувствовалъ романтическаго вліянія, какъ одинъ изъ немногихъ истинныхъ поэтовъ нашей эпохи, Альфредъ де-Мюссе, — вѣроятно, потому, что это романтическое вѣяніе закружило его окончательно, вслѣдствіе чего онъ и палъ бѣдною жертвою обладавшаго имъ тревожнаго, стихійнаго начала. Въ „*Confessions d'un enfant du siècle*“ — этой глубоко искренней книгѣ — романтическое вѣяніе рѣшительно является въ видѣ темныхъ и страшныхъ силъ, уже отошедшихъ въ область прошедшаго, но еще гнетущихъ своимъ вліяніемъ настоящее, въ видѣ старыхъ божествъ, изъ-

подъ власти которыхъ только еще вырвалось, ушло, но еще не высвободилось сознание... Одну глубокую страницу изъ этихъ Confessions я долженъ напомнить читателямъ для поясненія моей мысли о романтизмѣ, какъ стихійномъ вѣянїи; ибо никакое діалектическое развитіе не пояснить такъ мысли, какъ поэтическое ея выраженіе.

„Во время войнъ Имперїи—разсказываетъ герой книги, Октавій, — въ то время, какъ мужья и братья были въ Германїи, тревожныя матери произвели на свѣтъ поколѣніе горячее, блѣдное, нервное. Зачатыя въ происшедшей битвѣ, воспитанныя въ училищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробуя свои слабыя мускулы. По временамъ являлись къ нимъ покрытые кровью отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней“.

Но война окончилась, Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

„Тогда на развалинахъ міра сѣла тревожная юность. *Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, напавшей на землю:* они родились среди битвъ... Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ. Они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги: все было пусто, и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленїи“.

„Три стихїи дѣлили жизнь, разстилавшуюся передъ юношами; за ними — *навсегда разрушенное прошедшее, передъ ними — заря безграничнаго небосклона, первые лучи будущаго, и между этихъ двухъ міровъ—ничто подобно Океану, отдѣляющему старыя материкъ отъ Америки,* не знаю, что-то неопредѣленное и зыбкое, море тинистое и грозящее кораблекрушенїями, переплываемое по временамъ далекимъ бѣлымъ парусомъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ,—настоящій вѣкъ, однимъ словомъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго, который — *ни то, ни другое и походитъ на то и на другое вмѣстѣ,* гдѣ на каждомъ шагу недоумѣваешь, идешь ли по сѣменамъ или по праху“...

„И имъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, *ателъ сумерекъ*—не день и не ночь: они нашли его сидящимъ въ мѣшицѣ съ костями и закутаннымъ въ плащъ эгоизма, дрожащимъ отъ холода. Смертная мука закралась къ нимъ въ душу при взглядѣ на это видѣніе — полумумїю, полупрахъ; они подошли къ нему, какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Страсбургѣ дочь стараго графа Сарвердена, бальзамированную въ гробу въ вѣн-

чальномъ нарядѣ. Страшенъ этотъ ребяческій скелетъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ рукахъ его обручальное кольцо, а голова распадается прахомъ посреди цвѣтовъ“.

Въ такой поэтически-страшной картинѣ изображаетъ поэтъ общее состояніе эпохи.

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ начальной мысли поэта, но должны указать на его упреки и проклятія Гёте и Байрону, какъ провозвѣстникамъ разочарованія... „О Боже!—говоритъ онъ, обращаясь къ пѣвцу Лары,—я, который говорю съ тобою,—я, который не болѣе какъ слабый ребенокъ, я выстрадалъ, быть можетъ, больше бѣдствій, чѣмъ ты, а все-таки вѣрю въ надежду, все-таки благословляю Бога“.

„О, народы будущихъ вѣковъ!—оканчиваетъ онъ свое вступленіе,—когда въ жаркій лѣтній день склонитесь вы надъ плугомъ на зеленомъ лугу отчизны, когда, подъ лучами яркаго, чистаго солнца, земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ утреннемъ нарядѣ земледѣльцу, когда, отирая со спокойнаго чела священный потъ, вы будете покоить взглядъ на безпредѣльномъ небосклонѣ... вспомните о насъ, которыхъ не будетъ ужъ болѣе; скажите себѣ, что *дорого купили мы вашъ будущій покой*; пожалѣйте насъ больше, чѣмъ всѣхъ вашихъ предковъ: у нихъ много было горя, которое дѣлало ихъ достойными состраданія, *у насъ нѣтъ того, что ихъ утѣшало*“...

Зачѣмъ же, спрашивается, назвали *романскимъ* это начало стихійное и тревожно-лихорадочное, которое было обще многимъ эпохамъ и, вѣроятно, будетъ обще многимъ другимъ, этотъ знобъ и жаръ съ напряженнымъ біеніемъ пульса, который равно болѣзненъ, окажется ли онъ сладкою, но все-таки тревожною и развѣдающею мечтательностью Жуковскаго, тоскою ли по прошедшемъ Шатобріана, мрачнымъ ли и сосредоточеннымъ отрицаніемъ Байрона, судорожными ли созданіями Виктора Гюго и литературы тридцатыхъ годовъ, борьбою ли съ нимъ свѣтлой и ясной Пушкинской природы, подчиненіемъ ли ему до моральнаго уничтоженія натуръ Марлинскаго и Полежаева, Мочаловскими ли созданіями, воплями ли Огаревскихъ „монологовъ“ или Фетовскими странными, но для души ясными намеками на какіе-то звуки, которые

льнуть къ моему изголовью...

Полны они томной разлуки,

Дрожать *небывалой* любовью;

— которые

·Такъ томно и грустно-небрежно
Въ свой міръ разцвѣченный уносить,
И ластятся къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умилительно просятъ...

зачѣмъ же назвали, говорю я, исключительно *романскимъ* это начало, которое столь же, если не болѣе, свойственно и нашей русской природѣ, которое не разъ закруживало эту природу до безвыходной хандры, до Лермонтовскаго ожесточенія и зловѣщихъ предчувствій, до Тургеневскаго раздвоенія и расслабленія, а въ сферахъ болѣе грубыхъ до Полежаевскаго цинизма и до запыля Любима Торцова?..

Х.

Неудачное названіе придуманно въ неудачную эпоху, въ эпоху такъ называемой романтической реакціи, доходившей въ Германіи, странѣ послѣдовательности мышленія, до безумствъ „доктора любви“ Захарія Вернера и до католическаго отупѣнія братьевъ Шлегелей... Въ этой своей формѣ, въ формѣ тоски по прошедшемъ, доходившей до кукольной комедіи въ отношеніи къ прошедшему, романтизмъ намъ мало свойственъ. Самое наше славянофильство далеко не то, что романтизмъ Гёрреса и братьевъ Шлегелей; ибо подъ формами его таится нѣчто живое, нѣчто иное, — ибо иная была наша историческая судьба, и иное вслѣдствіе того возникло у насъ отношеніе къ нашему прошедшему.

Поэзія Жуковскаго, несмотря на великій талантъ Жуковскаго, мало привилась къ нашей жизни. Поэтъ остался для насъ дорогъ, какъ поэтъ истинный, но тихо-грустное вѣяніе его пѣсни, туманныя порыванія вдаль встрѣтили себѣ отпоръ въ нашемъ здоровомъ юморѣ, или тотчасъ же доведены были до послѣднихъ границъ русской послѣдовательностью и были убиты именно тѣмъ, что дошли въ *наивныхъ* повѣстяхъ и романахъ Полеваго до комическаго. Его „Блаженство безумія“, его „Аббадона“, его „Уголино“ — въ этомъ отношеніи факты драгоцѣннѣйшіе. Ни въ чемъ, разумѣется, все то комическое, что лежало въ неясныхъ порываніяхъ *вдаль, куда-то*, не являлось съ такихъ смѣшныхъ сторонъ, какъ въ выраженіи чувства любви къ женщинѣ и въ развитіи этого чувства; поэтому я позволю себѣ прослѣдить эту одну сторону романтическаго, *романтически-туманное*, поскольку оно выражалось въ нашей литературѣ.

Пушкинъ — его не минуешь и къ нему всегда возвратишься, о чемъ бы ни началась рѣчь—Пушкинъ, вездѣ соблюдавшій мѣру, самъ—живая мѣра и гармонія, и тутъ, даже въ особенности тутъ, является нашею русскою мѣрою чувствъ... и говоритъ объ отношеніи Пушкинской поэзіи къ чувству любви и къ женщинѣ, значить то же, что говоритъ о самомъ правильномъ, нѣжномъ, тонкомъ и высокомъ отношеніи человѣка къ этому существенному вопросу, отношеніи столь же чуждомъ ложнаго идеализма, выдаваемого за высокое, какъ и грубаго матеріализма, принимающаго различные оболъстительные виды. Чтобы тотчасъ же ярче, нагляднѣе понять, насколько Пушкинъ чуждъ перваго, стоить только приравнять духъ его поэзіи къ духу поэзіи Шиллера, котораго, между нами будь сказано, нѣтъ уже въ наше время возможности читать, какъ поэта эротическаго, безъ весьма страннаго чувства, граничащаго со смѣхомъ. Тамъ, гдѣ Шиллеръ нѣженъ, онъ впадаетъ въ невыносимую сентиментальность и приторность, такъ что правильно-чувствующій человѣкъ постыдится какъ-то прочесть его стихи женщинѣ, которую онъ любитъ; тамъ, гдѣ Шиллеръ страстенъ, онъ впадаетъ въ неистовство идеализма, близкое къ грубѣйшему матеріализму. Пусть попробуетъ читатель вслѣдъ за стихотвореніемъ Пушкина „Для береговъ отчизны дальней“ прочесть, напримѣръ, „Der Jüngling am Bache“, или послѣ, напри- мѣръ, письма Онѣгина и письма Татьяны — „Das Geheimnis der Reminiscenz...“ самое неистовое изъ неистовыхъ стихотвореній Шиллера. Но Шиллеръ уже далекъ отъ насъ, нечего скрывать отъ себя этой правды; Шиллеръ великъ и останется великъ, но только тамъ, гдѣ онъ, истинный маркизъ Поза, мечтатель, говоритъ, какъ адвокатъ челоѣчества. Попробуйте сравнить поэзію Пушкина съ идеализмомъ французскихъ и притомъ не бездарныхъ поэтовъ, съ идеализмомъ Гюго, напри- мѣръ, поэта, безъ сомнѣнія даровитаго, съ идеализмомъ Ламартина, который значительно выше Шиллеровскаго идеализма въ отношеніи къ любви, у котораго найдете вы строфы, полныя правды и чистоты чувства, хотя со- веѣмъ потонувшія въ морѣ воды... Съ Байрономъ сравнивать Пушкина нельзя: оба равно велики какъ поэты, оба лучше, если хотите: но общаго между ними одна только сила генія, и Пу-шкинъ потому единственно подпалъ подъ внѣшнее вліяніе Бай-рона, что былъ моложе его. Обратимся въ другую сторону. Пушкинъ столь же мало матеріалистъ, какъ и идеалистъ: въ его

взглядъ на любовь нѣтъ ничего похожаго на взглядъ величайшаго и тончайшаго матеріалиста Гёте; общаго между ними опять-таки только сила генія, равно спокойное пареніе орла, сознающаго еплу своихъ крыльевъ, хоть иногда германскій орелъ слишкомъ долго любилъ засиживаться на утесахъ и зѣвать подъ шумъ похвалъ своего неприхотливаго и наклоннаго къ языческому поклоненію отечества, которому, что ни давалъ онъ, все было хорошо. Попробуйте сравнить по тому же вопросу Пушкинскую поэзію съ современнымъ хитрымъ и ловкимъ матеріализмомъ Гейне, — и Пушкинъ одинъ по отношенію къ этому чувству окажется полнымъ, цѣльнымъ, неразорваннымъ челоуѣкомъ.

Невозможно въ краткомъ очеркѣ обрисовать, такъ сказать, физиологію Пушкинской любви, обозначить всѣ ея признаки, подмѣтить всѣ ея тонкія черты, всю глубину и нѣжность у поэта этого чувства. Одно стихотвореніе: „Я васъ любилъ“, — эта тема на которую потомъ написано столько варіацій, и дурныхъ, и нерѣдко хорошихъ, и болѣзненныхъ, и изрѣдка правильныхъ, — уже цѣлая поэма, на которую можно сочинять комментаріи:

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,
*Я васъ любилъ такъ пламенно, такъ нѣжно,
Какъ, дай вамъ Богъ, любимой быть другимъ.*

Послѣдній стихъ несравнимъ ни съ чѣмъ: онъ — высокочеловѣчскій. Нѣжная мысль, въ немъ являющаяся, еще опредѣленнѣе сказала въ заключительныхъ стихахъ другого, одного изъ позднѣйшихъ стихотвореній, въ желаніи любимому существу всего:

Все, даже счастье того, кто избранъ ей..
Кто милой дѣвъ дастъ названіе супруги...

Это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина да развѣ еще у Мицкевича, и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ. Такое самоотверженіе не есть уступчивость, происходящая отъ холодности чувства; пламеннѣй нельзя ничего встрѣтить ни у какого поэта въ мірѣ, и этихъ стонѣвъ сердца, которыя слышны въ стихотвореніи, призывающемъ на свиданіе усопшую, и этой ревности:

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она..
Одна.. никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
Никто ея колѣнь въ забвеніи не цѣлуетъ;
Одна.. ничѣмъ устамъ она не предаетъ

Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ...

Но если...

ничего во всей лирической поэзии нельзя найти задушевной стиха, какъ будто случайно вырвавшегося изъ сердца поэта въ разговоръ съ книгопродавцемъ:

Вся жизнь—одна ли, двѣ ли ночи...

или стиховъ, звучащихъ такъ грустно въ послѣднихъ строфахъ Онѣгина:

А ты, съ которой образованъ
Татьяны милый идеаль...
О! много, много рокъ отъяль...

ничего, кромѣ опять-таки развѣ нѣсколькихъ стиховъ Мицкевича.

Ничего страстной и вмѣстѣ общедоступной въ поэзии нельзя найти письма Онѣгина:

Нѣтъ, постоянно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами...

и т. д.

ничего, кромѣ развѣ вотъ какихъ стиховъ, которые тоже въ своемъ родѣ *nes plus ultra* страстности:

Ona jeszcze nie slucha, on jęj szepce do ucha
Nowe skargi, czy nowy zaklęcia,
Aż wzruszona, zemdlona, opuścila ramiona
I schyliła sie w jego objęcia...¹⁾

А между тѣмъ, какъ поэтъ простъ въ анализѣ этого полного и цѣльнаго чувства, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ:

Я ѣхалъ къ вамъ... живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой...
Я ѣхалъ прочь... иные сны, —
Душѣ влюбленной грустно было,

¹⁾ „Она еще не слушаетъ его, но онъ шепчетъ ей на ухо новыя мольбы и новыя заклятія, такъ что растроганная, ослабѣвшая, она опустила руки и склонилась въ его объятія“.

И мѣсяць съ лѣвой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ унылой...

до болѣе положительныхъ его проявленій:

Грустно, Нина, путь мой скучень...
и т. д.

Перечтите это послѣднее стихотвореніе, дышащее какою-то ежедневностью, такъ сказать, домашностью, чтобы ясно понять, какъ просто у поэта чувство, какъ оно присутствуетъ въ душѣ цѣльно, не разрываясь съ другими, обычными впечатлѣніями, правильное, свѣтлое, глубокое... Пушкинъ, какъ истинно великій поэтъ, понималъ, что чувство правильное носить въ себѣ залогъ вѣковѣчности, что оно не можетъ быть ни грубымъ, чувственнымъ порывомъ, ни напряженною трагедіей, ни болѣзненной язвой, душевнымъ ракомъ, который истощаетъ въ душѣ всѣ другіе соки. Отношеніе Пушкинское я прослѣдилъ какъ нашу *душевную мѣрку* для того, чтобы яснѣе обозначить искаженія, которыя мы привыкли называть *романтическими*. Главные источники для опредѣленія особенности романтическаго воззрѣнія суть безъ сомнѣнія: Марлинскій, Кукольникъ, Полевой и нѣсколько лирическихъ поэтовъ, однимъ словомъ, литература тридцатыхъ годовъ. Основныя, существенныя черты воззрѣнія слѣдующія:

1) „Души избранныя“ томятся постоянно тоскою по своимъ половинамъ, для нихъ собственно предназначеннымъ... До встрѣчи съ своими „половинами“ таковыя души обыкновенно даромъ бременятъ землю или, еще того хуже—враждуютъ съ непонимающимъ ихъ свѣтомъ, ломаютъ стулья, коли заговорятъ объ Александрѣ Македонскомъ и вообще о высокихъ предметахъ, ѣдятъ, пьютъ и спятъ; какъ прочіе смертные, но чрезвычайно на это сердятся и ругаютъ презрѣнную прозу жизни.

2) При встрѣчѣ съ „половинами“ онѣ тотчасъ же угадываютъ по вдохновенію свое родство съ ними и начинаютъ говорить языкомъ никому, кромѣ сихъ половинокъ, непонятнымъ, заговариваются какъ Тассо или Джакомо Санназаръ, или какъ Нино-Галлури спрашиваютъ у своихъ половинокъ:

. Скажи мнѣ,
Какъ ангелы на небѣ говорятъ?..

ругая немилосердно бѣдный языкъ человѣческій:

Нѣтъ, я не люблю тебя—нѣтъ! это слово
Выдумано человѣкомъ, осквернено оно...

3) Съ „избранницами“ означенныя души могутъ жить только въ Аркадіи, въ *der idealen Welt*, гдѣ не пьютъ и не ѣдятъ, а только цѣлуются, гдѣ не работаютъ, а развѣ только плетутъ корзинки для цвѣтовъ...

Довольно, кажется, для того, чтобы обозначить, какого рода сторону романтизма эти воззрѣнія выражали. Но преимущественно эту сторону романтизма имѣлъ въ виду Бѣлинскій, вражду впоследствии уже, въ 1840 году, съ романтизмомъ или, лучше сказать, окончательно формулируя свою вражду, начавшуюся гораздо прежде.

Выписываю большой отрывокъ изъ статьи, принадлежащей по своимъ идеямъ уже къ новому фазису его, т.-е. нашего критическаго сознанія. Это мѣсто изъ знаменитой статьи о „Горѣ отъ ума“, гдѣ о „Горѣ отъ ума“ собственно говорится очень мало, но зато много и великолѣпно-хорошо говорится о „Ревизорѣ“ Гоголя. Къ „Горю отъ ума“ Бѣлинскій видимо охладѣлъ, ибо охладѣлъ къ личности его героя. Вѣрованіемъ его, живымъ, пламеннымъ стало творчество Гоголя, и во имя своего вѣрованія онъ казнить всякую поэзію, которая не есть поэзія дѣйствительности. Это мѣсто—его *profession de foi* литературное, въ эту минуту его сознанія.

„Такъ называемые романтики, — говоритъ онъ, отдѣлавши напередъ классиковъ, — ушли не дальше ихъ (классиковъ) и только впали въ другую крайность; отвергнувъ псевдоклассическую форму и чопорность, они полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неистовствѣ. *Дикость* и *мрачность* они провозгласили отличительнымъ характеромъ поэзіи Шекспира, смѣшавъ съ ними его глубину и безконечность, и не поняли, что формы Шекспировскихъ драмъ совсѣмъ не странности, но условливаются идеею, которая въ нихъ воплотилась. Есть еще и теперь люди, которые Бетховена называютъ дикимъ, добродушно не понимая, что дикость есть униженіе, а не достоинство генія, и что энергія и глубокость совсѣмъ не то, что дикость“...

„Поэзія, — говоритъ онъ черезъ страницу, — есть истина въ формѣ созерцанія; ея созданія—воплотившіяся идеи, видимыя, *созерцаемыя* идеи. Слѣдовательно, поэзія есть та же философія, то же мышленіе, потому что имѣетъ то же содержаніе—абсолютную истину, но только не въ формѣ діалектическаго развитія идеи изъ

самой себя, а въ формѣ непосредственнаго явленія идеи въ образѣ. Поэтъ мыслить образами, онъ не *доказываетъ* истины, а *показываетъ* ее. Но поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя — она сама себѣ цѣль; слѣдовательно, поэтический образъ не есть что-нибудь внѣшнее для поэта или второстепенное, не есть средство, но есть цѣль“, и т. д.

„Есть люди — это все они же, все романтическіе же классики, которые отъ всей души убѣждены, что поэзія есть мечта, а не дѣйствительность, и что въ нашъ вѣкъ, какъ *положительный и индустриальный*, поэзія невозможна! Образцовое невѣжество! нелѣпость первой величины! Что такое мечта? Призракъ, форма безъ содержанія, порожденіе разстроеннаго воображенія, празднои головы, колобродствующаго сердца! И *такая* мечтательность нашла своихъ поэтовъ въ Ламартинѣ и свои поэтическія произведенія въ идеально-чувствительныхъ романахъ въ родѣ Аббадоны, но развѣ Ламартинъ поэтъ, а не мечта,—и развѣ Аббадона поэтическое произведеніе, а не мечта?...”

„Романтическое искусство,—продолжаетъ черезъ страницу Бѣлинскій свою филиппику,—переносило землю на небо; его стремленіе было вѣчно туда, по ту сторону дѣйствительности и жизни: наше новѣйшее искусство переноситъ небо на землю и земное просвѣтляетъ небеснымъ. Въ наше время только слабыя и болѣзненные души видятъ въ дѣйствительности юдоль страданія и бѣдствій и въ туманную сторону идеаловъ переносятъ своей фантазією на жизнь и радость въ мечтѣ: *души нормальныя и крепкія* находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство—жизнь въ безконечномъ. Мечтательность была высшею дѣйствительностью только въ періодѣ юностиа человѣческаго рода. *Тогда и формы поэзіи улетучивались въ вѣнцѣхъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки.* Поэзія же мужественнаго возраста челоуѣчества, наша новѣйшая поэзія, *ослаемо-изящную форму просвѣтляетъ эвромъ мысли* и на-яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній, отворяетъ таинственныя врата освященнаго храма духа. Короче, какъ романтическая поэзія была поэзією мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть *поэзія дѣйствительности*, поэзія жизни.“
(„Отеч. Зап.“ 1840 г., № 1).

Правота этого протеста очевидна, но очевидно, кажется, и то, что только съ одною стороною романтизма, да и то доведенною до крайности, борется великій критикъ... Намъ уже теперь съ этою стороною бороться нечего—она отошла въ прошедшее. Но минутный отзывъ ея въ душѣ человѣческой возможенъ,—разумѣется, не въ тѣхъ смѣшныхъ крайностяхъ, до которыхъ доводили дѣло Кукольникъ, Полевой и проч. Благоуханіе этой стороны романтизма остается все-таки благоуханіемъ въ Жуковскомъ!..

XI.

Но въ романтизмъ есть еще другая сторона, сторона лихорадочно-тревожнаго вѣянія, сторона, которой могущественнымъ и вѣковѣчнымъ голосомъ явился Байронъ, сторона безпощаднаго, но не : холоднаго отрицанія, безжалостнаго, но не спокойнаго, не разсудчнаго скептицизма.

Было время и притомъ очень недавнее, когда все романтическое безъ различія клеймилось пасмѣшкою, когда мы всѣ пытались казнить въ себѣ самихъ то, что называлось нами романтизмомъ, и что гораздо добросовѣстнѣе будетъ называть началомъ тревожнаго порыванія, тревожнаго стремленія, соединеннаго съ давленіемъ и гнетомъ разрушеннаго, но еще памятнаго, еще вліяющаго прошедшаго. Анализируя безтрепетно самихъ себя, мы дошли, наконецъ, до судорожнаго и болѣзненнаго смѣха Тургеневскаго Гамлета Щигровскаго уѣзда надъ тревожнымъ порываніемъ, до совершеннаго невѣрія въ тревожное начало жизни, къ которому приводилъ анализъ Толстого, до попытокъ положительныхъ успокоеній, которыя, хотя нѣсколько односторонне, выражали собою комедіи Островскаго... Но чѣмъ же разрѣшился процессъ нашъ? Казнь романтизма, повсюду совершавшаяся во все это время въ общемъ мышленіи и отражавшаяся во всей современной литературѣ, кончается, однако, вовсе не такъ рѣшительно, какъ она начиналась. Часто и въ самое продолженіе борьбы эта казнь представляла извѣстное изображеніе змѣя, кусающаго собственный хвостъ, т.-е. конецъ анализа бывалъ часто поворотомъ къ началу; притомъ же весьма у немногихъ изъ насъ доставало послѣдовательности, на основаніи вражды къ тревожному началу, взглянуть, какъ на незаконныя, на многія сочувствія, въ которыхъ мы воспитались. *Храбрыхъ* въ этомъ дѣлѣ наплось, повторяю, немного,

а тѣмъ, которые нашлись, храбрость ровно ничего не стоила, т.-е. они по натурѣ лишены были органовъ для пониманія того, съ чѣмъ другимъ тяжело было разставаться. Многіе храбрились сначала, а потомъ рѣшительно теряли храбрость и возвращались потихоньку къ незаконнымъ сочувствіямъ. Тургеневъ принялся было казнить Рудина, а въ эпилогѣ круто поворотилъ къ апотеозѣ. Островскій по добросовѣстности художественской природы кончилъ свои примирительныя попытки борьбою и раздвоеніемъ, весьма очевидными въ „Доходномъ мѣстѣ“ и послѣдующихъ его произведеніяхъ. Голоса, вопіявшіе на Лермонтова за то, что онъ мало уважаетъ своего „Максима Максимыча“, нашли мало сочувствія. Толстой, сохраняя всю силу своего безтрепетнаго анализа, впалъ въ переходную, конечно (мы на это крѣпко надѣемся), но тѣмъ не менѣе очевидную апатію мышленія. Писемскій тщетно пытался опозитизировать точку зрѣнія на жизнь губернскаго правленія: ни сила таланта, ни правда манеры, ни новостъ пріемовъ не спасли отъ антипоэтической сухости его большія, стремившіяся къ цѣлости произведенія...

Смыслъ всего этого движенія я постараюсь разъяснить по крайнему моему разумѣнію въ послѣдствіи. Здѣсь привелъ я только факты, которыми заключилась борьба нашего сознанія съ романтизмомъ.

Въ жару борьбы мы забыли многое, что романтизмъ намъ далъ: мы, какъ и самъ выразитель нашего критическаго сознанія, Бѣлинскій, осудили самымъ строгимъ судомъ, предали анаемѣ *тридцатые* годы нашей литературы.

Чтобы понять, какъ таковой переходъ былъ рѣзокъ, надобно нѣсколько перенестись въ тридцатые годы и постараться взглянуть на нихъ ихъ же взглядомъ.

У насъ въ эти годы, за исключеніемъ Пушкина и нѣсколькихъ лириковъ, его окружавшихъ, было, конечно, немного. Представителями романтизма съ его тревожной стороны были Марлинскій, Полежаевъ и въ особенности Лажечниковъ. Былъ еще представитель могущественный, чародѣй, который творилъ около себя міры однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ; но отъ него, кромѣ вѣянія этого дыханія, ничего не осталось; и—такъ еще мало отвыкли мы отъ казенщины и рутинности въ пріемахъ—о немъ какъ-то странно говорить, говоря о писателяхъ, о литературѣ. Я разумѣю Мочалова—великаго актера, имѣвшаго огромное моральное влія-

ніе на все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ, — великаго выразителя, который былъ гораздо больше почти всего имъ выражаемаго, Мочалова, слѣдъ котораго остался только въ памяти его поколѣнія, да въ пламенныхъ и высокопоэтическихъ страницахъ Бѣлинскаго объ игрѣ его въ Гамлетѣ. Единственный чело-вѣкъ, который въ ту эпоху стоялъ съ Мочаловымъ въ уровень богатствомъ романтическихъ элементовъ въ душѣ, Лажечниковъ, не давалъ ему никакой пищи, потому что писалъ романы, а не драмы; эпохи новой, эпохи типовъ, гениальный выразитель не дождался, — и онъ творилъ изъ самыхъ бѣдныхъ матеріаловъ, творилъ, влагая въ скудныя формы свое душевное богатство... Если читатели мои пробѣгали „Воспоминанія студента“ въ 1-мъ № „Отечественныхъ Записокъ“ и мой рассказъ въ 1-мъ № „Слова“, двѣ вещи, такъ странно, неожиданно (тоже, вѣроятно, вслѣдствіе какого-то вѣянія) столкнувшіяся, они поймутъ совершенно, почему имя Мочалова попало въ критическую статью о литературѣ; это сдѣлалось потому же самому, почему имя Грановскаго, оставившаго по себѣ очень скудные письменные, литературные слѣды, займетъ самое значительное мѣсто въ очеркахъ другой эпохи, тогда какъ множество много-писавшихъ господъ будутъ упомянуты только по именамъ. Какъ съ *Грановскимъ* сливается — не во гнѣвъ будь сказано господамъ, которые доходили до клеветъ, лишь бы понизить въ общемъ мнѣніи значеніе его вліянія — цѣлое жизненное возрѣніе, цѣлое направленіе дѣятельности, такъ съ *Мочаловымъ* сливается эпоха романтизма въ мысли, романтизма въ искусствѣ, романтизма въ жизни, — и если пришлось говорить о романтизмѣ, то нельзя миновать его имени.

Бѣлинскій, какъ воплощенное критическое сознаніе эпохи, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ подвергался вліянію этой стороны романтическаго вѣянія. Можно сказать, что оно наполняло всю его страстную душу въ періодъ отъ 1834 года, отъ ряда статей „Литературныхъ мечтаній“ до 1838 года, когда онъ въ „Наблюдателѣ“ зеленаго цвѣта спѣлъ ему послѣднюю прощальную пѣсню въ страстныхъ и великолѣпныхъ статьяхъ „о Гамлетѣ и игрѣ въ немъ Мочалова“, на-половину уже, впрочемъ, пропитанныхъ мистическимъ гегелизмомъ, т.-е. новымъ видомъ романтизма.

Это „романтическое вѣяніе“ съ одной стороны, пришло къ намъ извнѣ, но, съ другой стороны, нашло въ насъ самихъ, въ нашей натурѣ готовые данныя къ его воспріятію. Говоря о Пушкинѣ,

но не называя еще началъ, съ которыми онъ боролся, романтическими, я, съ возможною для меня ясностью, старался изложить эту мысль. То, что одолѣлъ Пушкинъ, надъ чѣмъ сталъ онъ властелиномъ, что привелъ въ мѣру и гармонию, то другихъ, менѣе сильныхъ, закручивало въ какомъ то угарѣ, и сколько жертвъ пало закруженныхъ этимъ вихремъ: Марлинскій, Полежаевъ, Владиміръ Соколовскій, самъ Мочаловъ, Іеронимъ Южный ¹⁾... Есть книги, которыя представляютъ собою для наблюдателя нравственнаго міра такой же интересъ по своей многоговорящей уродливости, какъ остатки допотопнаго міра для геолога. Такая книга, на примѣръ, весь Марлинскій, съ шумихой его фразъ, съ насильственными порывами безумной страстности, совершенно ненужными, потому что у него было достаточно настоящей страстности, съ дѣтскими промахами и широкими замашками, съ зародышами глубокихъ мыслей... Его уже нельзя читать въ настоящую эпоху, потому что онъ и въ своей-то эпохѣ промелькнулъ метеоромъ, но тѣ элементы, которые такъ дико бушуютъ въ его Амалать-Бекъ, въ его бесконечно тянувшемся Мулла-Нуръ, вы ими же, только сплоченными могучею властительною рукою художника, любуетесь въ созданіяхъ Лермонтова.

Отношеніе Бѣлинскаго къ этому, въ 1834 году еще модному, еще любимому писателю, истинно изумительно и наводитъ на многія размышленія. Оцѣнка Марлинскаго Бѣлинскимъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ несравненно выше и вѣрнѣе оцѣнки Марлинскаго имъ же въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 40-хъ годовъ. Въ ней дорого то, что Бѣлинскій тутъ еще самъ романтикъ, да и какой еще—романтикъ французскаго романтизма—тогда какъ въ 40-хъ годахъ, перешедши горнило Гегелизма правой стороны и отринувши эту форму, онъ уже относится къ Марлинскому съ слишкомъ отдаленной и эпохѣ Марлинскаго чуждой высоты требованій.

„Почти вмѣстѣ съ Пушкинымъ, — говоритъ онъ, — вышелъ на литературное поприще и Марлинскій. Это одинъ изъ примѣча-

¹⁾ Соколовскій—повѣсть 30-хъ годовъ, авторъ поэмъ: „Мірозданіе“ (1832) и „Хеверъ“ (1837); см. его характеристику въ „Быломъ и Думахъ“ Герцена, ч. II, гл. XII-я. Іеронимъ Южный—псевдонимъ М. Меркли, довольно виднаго сотрудника „Библиотеки для Чтенія“, принадлежавшаго, подобно Тимофееву и Трилувному, къ тому псевдо-романтическому направленію русской литературы 30-хъ годовъ, крупнѣйшими представителями котораго были Кукольникъ и Бенедиктовъ.

теперь наших литераторов. Онъ теперь безусловно пользуется самымъ огромнымъ авторитетомъ: теперь передъ нимъ все на колѣняхъ; если еще не всѣ въ одинъ голосъ называютъ его *русскимъ Бальзакомъ*, то потому только, что боятся унижить его этимъ и ожидаютъ, чтобы французы назвали *Бальзака французскимъ Марлинскимъ*. Въ ожиданіи, пока совершится это чудо, мы похладнокровнѣе рассмотримъ его права на такой громадный авторитетъ. Конечно, страшно выходить на бой съ общественнымъ мнѣніемъ и возставать явно противъ его идоловъ; но я рѣшаюсь на это не столько по смѣлости, сколько по безкорыстной любви къ истинѣ. Впрочемъ, меня ободряетъ въ семъ случаѣ и то, что это страшное общественное мнѣніе начинаетъ мало-по-малу приходить въ память отъ оглушительнаго удара, произведеннаго на него полнымъ изданіемъ „Русскихъ повѣстей и рассказовъ“ г. *Марлинскаго*; начинаютъ ходить темные толки о какихъ-то натяжкахъ, о скучномъ однообразіи и тому подобномъ. *Итакъ, я рѣшаюсь быть органомъ новаго общественного мнѣнія. Знаю, что это новое мнѣніе найдетъ еще слишкомъ много противниковъ; но какъ бы то ни было, а истина дороже всѣхъ на свѣтѣ авторитетовъ*“.

„На безлюдьи истинныхъ талантовъ въ нашей литературѣ, талантъ г. *Марлинскаго*, конечно, явленіе очень примѣчательное. Онъ одаренъ остроуміемъ неподдѣльнымъ, владѣетъ способностью рассказа, нерѣдко живого и увлекательнаго, умѣетъ иногда снимать съ природы картинки - загляднѣе. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не сознаться, что его талантъ чрезвычайно одностороненъ, что его претензіи на пламень чувства весьма подозрительны, что въ его созданіяхъ нѣтъ никакой глубины, никакой философіи, никакого драматизма; что вслѣдствіе этого всѣ герои его повѣстей сбиты на одну колодку и отличаются другъ отъ друга только именами; что онъ повторяетъ себя въ каждомъ новомъ произведеніи: *что у него больше фразъ, чѣмъ мыслей, больше риторическихъ возгласовъ, чѣмъ выраженій чувства*. У насъ мало писателей, которые бы писали столько, какъ г. *Марлинскій*: но это обиліе происходитъ не отъ огромности дарованія, не отъ избытка творческой дѣятельности, а отъ навыка, отъ привычки писать. Если вы имѣете хотя нѣсколько дарованія, если образовали себя чтеніемъ, если запаслись извѣстнымъ числомъ идей и сообщили имъ нѣкоторый отпечатокъ своего характера, своей личности, то берите перо и смѣло пишите съ утра до ночи. Вы дойдете, на-

конецъ, до искусства во всякую пору, во всякомъ расположеніи духа писать о чемъ вамъ угодно; если у васъ придумано нѣсколько пышныхъ монологовъ, то вамъ нетрудно будетъ придѣлать къ нимъ романъ, драму, повѣсть, только позаботьтесь о формѣ и слогѣ: они должны быть оригинальные“.

„Вещи всего лучше познаются сравненіемъ. Если два писателя пишутъ въ одномъ родѣ и имѣютъ между собою какое-нибудь сходство, то ихъ не иначе можно оцѣнить въ отношеніи другъ къ другу, какъ выставивъ параллельныя мѣста: это самый лучший пробный камень. Посмотрите на *Бальзака*: какъ много написалъ этотъ человѣкъ, и несмотря на то, есть ли въ его повѣстяхъ хоть одинъ характеръ, хотя одно лицо, которое бы сколько-нибудь походило на другое. О, какое непостижимое искусство обрисовывать характеры, со всѣми оттѣнками ихъ индивидуальности. *Не преслѣдовалъ ли васъ этотъ грозный и холодный обликъ Феррагуса, не мерещился ли онъ вамъ и во снѣ и на яву, не бродилъ ли за вами неотступною тѣнью?* О, вы узнали бы его между тысячами, и между тѣмъ въ повѣсти *Бальзака* онъ стоитъ въ тѣни, обрисованъ слегка, мимоходомъ и застановленъ лицами, на коихъ сосредоточивается главный интересъ поэмы. Отчего же это лицо возбуждаетъ въ читателѣ столько участія и такъ глубоко врѣзывается въ его воображеніи? Оттого, что *Бальзакъ* не выдумалъ, а создалъ его, оттого, что онъ мерещился ему прежде, нежели была написана первая строка повѣсти, что онъ мучилъ художника до тѣхъ поръ, пока онъ не извелъ его изъ міра души своей въ явленіе, для всѣхъ доступное. Вотъ мы видимъ теперь на сценѣ и другого изъ „Тринадцати“; *Феррагусъ* и *Монриво*, видимо, одного покроя, *люди съ душою глубокою, какъ морское дно, съ силою воли непреодолимою, какъ воля судьбы*; и, однакожь, спрашиваю васъ: похожи ли они хотя сколько-нибудь другъ на друга, есть ли между ними что-нибудь общее? Сколько женскихъ портретовъ вышло изъ-подъ плодотворной кисти *Бальзака*, и между тѣмъ повторилъ ли онъ себя хотя въ одномъ изъ нихъ?.. Таковы ли въ семъ отношеніи созданія г. *Марлинскаго*? Его *Амалатъ-Бекъ*, его *полковникъ В****, его герой „Страшнаго Гаданья“, его *капитанъ Правинъ*,—всѣ они родные братцы, которыхъ различить трудно самому ихъ родителю. Только развѣ первый изъ нихъ немного отличается отъ прочихъ своимъ азіатскимъ колоритомъ. Гдѣ же творчество? Притомъ, сколько натяжекъ!

Можно сказать, что *натяжка* у г. *Марлинскаго* такой конекъ, съ котораго онъ рѣдко слѣзаетъ. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ его повѣстей не скажетъ ни слова просто, но вѣчно съ ужимкой, вѣчно съ эпиграммою или съ каламбуромъ или съ подобіемъ; словомъ, у г. *Марлинскаго* каждая копѣйка ребромъ, каждое слово завиткомъ. Надо сказать правду: природа съ избыткомъ наградила его этимъ остроуміемъ, веселымъ и добродушнымъ, которое колебъ, но не язвитъ, щекочетъ, но не кусаетъ; но и здѣсь онъ часто пересаливаетъ. У него есть цѣлыя огромныя повѣсти, какъ, напр., „Наѣзды“, которыя суть не иное что, какъ огромныя натяжки. У него есть талантъ, но талантъ не огромный, талантъ обезсиленный вѣчнымъ принужденіемъ, избившійся и разтрясшійся о пни и колоды выисканнаго остроумія. Мнѣ кажется, что романъ не его дѣло, ибо у него нѣтъ никакого знанія человѣческаго сердца, никакого драматическаго такта. Для чего, напри- мѣръ, заставилъ онъ князя, для котораго всѣ радости земли и неба заключались въ устрицахъ, для котораго вкусный столъ всегда былъ дороже жены и ея чести, для чего заставилъ онъ его проговорить патетическій монологъ осквернителю его брачнаго ложа,—монологъ, который сдѣлалъ бы честь и самому *Правину*? Это просто натяжечка, закулисная подставочка; автору хотѣлось быть нравственнымъ на манеръ г. *Бумарина*. Вообще онъ не мастеръ скрывать закулисныя машины, на коихъ вертится зданіе его повѣстей; онъ у него всегда на виду. Впрочемъ, въ его повѣстяхъ встрѣчаются иногда мѣста истинно прекрасныя, очерки истинно мастерскіе: таково, напри- мѣръ, *описаніе русскаго просто-народнаго Мефистофеля* и вообще всѣ сцены деревенскаго быта въ „Страшномъ гаданьѣ“, таковы многія картины, снятыя съ природы, исключая, впрочемъ, „Кавказскихъ очерковъ“, которые натянуты до *pes plus ultra*. По мнѣ, лучшія его повѣсти суть „Испытаніе“ и „Лейтенантъ Бѣлзоръ“, въ нихъ можно отъ души полюбоваться его талантомъ, ибо онъ въ нихъ въ своей тарелкѣ. Онъ смѣется надъ своимъ стихотворствомъ, но мнѣ переводъ его *Пьсенъ Горцевъ* въ „Амалать-Бекѣ“ кажется лучше всей повѣсти: въ нихъ такъ много чувства, такъ много оригинальности, что и *Пушкинъ* не постыдился бы назвать ихъ своими. Равнымъ образомъ и въ его „Андрѣй Переяславскомъ“, особенно во второй главѣ, встрѣчаются мѣста истинно поэтическія, хотя цѣлое произведеніе слишкомъ отзывается дѣтствомъ. Всего страннѣе въ

г. *Марлинскомъ*, что онъ съ удивительною скромностью недавно сознался въ такомъ грѣхѣ, въ которомъ онъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ, въ томъ, что будто онъ своими повѣстями отворилъ двери для народности въ русскую литературу: вотъ что, такъ ужъ неправда! Эти повѣсти принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ его попытокъ; въ нихъ онъ народенъ не больше *Карамзина*, ибо его *Русь* жестоко отзывается его завѣтною, его любимую *Ливонію*. Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ подкрѣпить выписками изъ сочиненій г. *Марлинскаго* мое мнѣніе о его талантѣ; впрочемъ, это очень легко сдѣлать. О слога́ его не говорю. Нынѣ слово *слогъ* начало терять прежнее свое обширное значеніе, ибо его перестаютъ уже отдѣлять отъ мысли“.

Къ этой оцѣнкѣ почти нечего прибавить и въ наше время, какъ къ чисто художественной, слѣдуетъ только помянуть ее тамъ, гдѣ наше сознаніе выросло до болѣе яснаго разумѣнія. Естественно, что мы теперь не можемъ видѣть русскаго Мефистофеля въ фантастическомъ лицѣ повѣсти „Страшное гаданье“. Но Бѣлинскій правъ и тутъ, если на это лицо взглянуть, какъ на допотопный наемъ... Естественно также, что и повѣсти „Лейтенантъ Блорзоръ“ и „Испытаніе“ потеряли для насъ всякое поэтическое значеніе, точно такъ же, какъ повѣсти Карамзина... Но общій тонъ оцѣнки до сихъ поръ и вѣренъ и дорогъ, несмотря на то, что Бѣлинскій является здѣсь фанатическимъ поклонникомъ лицъ, подобныхъ Феррагусу и Монриво, и что самъ онъ потомъ съ такою же наивною яростью преслѣдовалъ поклоненіе этимъ призракамъ, переноса озлобленіе неофита гегелиста на всю французскую литературу...

Вотъ этотъ-то фактъ, этотъ быстрый переворотъ, совершившійся въ Бѣлинскомъ, въ представителѣ критическаго сознанія цѣлой эпохи, и важенъ въ высочайшей степени. Мнѣ замѣтять, что Пушкинъ никогда не увлекался юной французской словесностью, а умѣлъ между тѣмъ оцѣнить въ ней перлъ дарованія А. де Мюссе; но Пушкинъ пережилъ тревожное вѣяніе такой поэзіи, которой французскій романтизмъ былъ только извращеніемъ—поэзіи Байрона, и юная французская словесность застала его уже въ зрѣлую эпоху развитія. Мнѣ замѣтять, что И. В. Кирѣевскій, авторъ перваго философскаго взгляда на нашу литературу, остался чуждъ этому вѣянію, равно какъ и его кружокъ; но Кирѣевскій и его кружокъ были чистые теоретики, таковыми остались и такими

окончательно являются. На природы живыя, подобныя натурамъ Надеждина и Бѣлинскаго, это вѣяніе должно было сильно подѣйствовать; на природы, богато одаренныя художественными силами, но недостаточно зрѣлыя, какъ натура Полежаева, или недостаточно гармоническія, какъ натура Лажечникова, это вѣяніе опять-таки должно было дѣйствовать сильно. Кто изъ насъ, дѣтей той эпохи, ушелъ изъ-подъ этого вѣянія?

Тѣмъ болѣе, что вѣяніе то было сильное. Вѣдь „Notre-Dame“ Виктора Гюго расшевелила даже старика Гёте—и понятно почему: на что онъ слегка намекнулъ въ своей Миньонѣ, то гениальный уродъ, пусть и болѣзненно и чудовищно, но развилъ до крайнихъ предѣловъ въ своей Эмеральдѣ. Вѣдь и теперь еще надобно большія, напряженныя усилія дѣлать надъ собою, чтобы, начавши читать „Notre-Dame“, не забрести, искренно не забрести вмѣстѣ съ голоднымъ поэтомъ Пьеромъ Гренгуаромъ за цыганочкой и ея козочкой въ *Conte des miracles*, не увлечься потомъ до страстнаго сочувствія судьбою бѣдной мушки, надъ которою вѣетъ сѣтъ злой паукъ—судьба, не проклинать этого злого паука съ другой его жертвою, Клавдіемъ Фролло, удержаться отъ головокруженія, читая описаніе его паденія съ башни Notre-Dame, и проч. и проч. Все это дико, чудовищно, но увы! гениально, и понятенъ лирической восторгъ, съ которымъ одинъ изъ нашихъ тогдашнихъ путешественниковъ, нынѣ едва ли помнящій или постаравшійся забыть эти впечатлѣнія описывалъ въ „Телескопѣ“ свое восхожденіе на башни Notre-Dame и свое свиданіе съ В. Гюго. Да и не Гюго одинъ; въ молодыхъ повѣстяхъ и молодыхъ безнравственныхъ драмахъ А. Дюма, размѣнявшагося впоследствии на Монте-Кристо и Мушкатеровъ, бьетъ такъ лихорадочно пульсъ, клокочетъ такая лава страсти, хоть бы въ маленькомъ разказѣ „Маскарадъ“ или въ драмѣ „Антони“ (а надобно припомнить еще, что въ „Антони“ мы видѣли Мочалова,—да и какого Мочалова!)—что потребна и теперь особенная крѣпость нервовъ для того, чтобы эти вѣянія извѣстнымъ образомъ на насъ не подѣйствовали. Скажу болѣе, они, эти вѣянія, должны были быть пережиты всѣ, отъ романовъ Гюго до „Мертваго осла и обезглавленный женщины“ Ж. Жапена... Эти вѣянія отразились и притомъ отразились двойственно, созидательно, съ одной стороны, и разрушительно, съ другой, на дѣятельности полнѣйшей и даровитѣйшей художнической природы тридцатыхъ годовъ—*Лажечникова*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что перейти бездну, лежащую между написанными въ Кѣрамзинскомъ духѣ „Воспоминаніями офицера“ и послѣдующими романами, помогла Лажечникову юная французская словесность. Натура, богатая бессознательнымъ чутьемъ, женственно-страстною впечатлительностью, но положительно лишенная самообладанія, Лажечниковъ, подъ вліяніемъ вѣянія возвысившійся до „Ледяного дома“ и „Басурмана“, переживши вѣяніе, отдавши ему дань, упалъ до „Бѣленькихъ и Черненькихъ“, до драмы „Еврейка“ и проч.

Поразительнѣйшее явленіе этотъ огромный талантъ безъ всякаго мѣрила, талантъ, въ которомъ романтизмъ получилъ русскій характеръ, талантъ, могущественный до созданія истинно народныхъ типовъ и безтактно сопоставляющій съ этими типами фигуры сумазбродныхъ художниковъ à la Кукольникъ, сладкихъ мечтателей à la Полевой—полнѣйшее оправданіе мысли о допотопныхъ организаціяхъ въ мірѣ искусства. Допотопное значеніе его особенно будетъ ясно, когда я буду говорить о народности и отношеніи къ ней критическаго сознанія. Здѣсь я беру его чисто, какъ романтика, и притомъ русскаго романтика. Полнѣйшее выраженіе русскаго романтизма, это „Ледяной домъ“. Все, что въ русскомъ человѣкѣ есть непосредственно романтическаго, возведено до поэзіи въ лицѣ Волинскаго, и не знаю, какъ читателямъ, а мнѣ было удивительно смѣшно читать, какъ г. Аванасьевъ въ „Атенеѣ“ *тщился* недавно доказывать, что въ изображеніи Волинскаго Лажечниковъ погрѣшилъ противъ исторической истины. Да кому какое дѣло до настоящаго историческаго въ поэтическомъ созданіи! Вотъ, на примѣръ, не очень давно одинъ англійскій историкъ доказалъ фактами, что Ричардъ III вовсе не былъ злодѣемъ и извергомъ. Что же? Шекспировскій образъ, созданный по тому представленію, которое уцѣлѣло въ памяти народа, потерялъ, что ли, отъ этого свою правду?..

Волинскій Лажечникова—поэтическій образъ русскаго человѣка въ трагическомъ положеніи, общественномъ и нравственномъ, а не обслѣдованіе уголовно-политическаго процесса. Всѣ его типическія стороны взяты вѣрно, взяты вездѣ въ мѣру, образъ цѣленъ и законченъ, что, какъ говорится, и *требовалось доказать*.

А между тѣмъ, какъ ни оригинально созданъ типъ Волинскаго, цѣлый романъ навѣянъ романтическимъ вѣяніемъ и именно вѣяніемъ романтизма юной французской словесности.

ХІІ.

Одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей русскаго романтизма, если не самый яркій, былъ, безъ сомнѣнія, Полежаевъ,—и на его поэтической фѣзіономіи невольно должно остановиться, коснувшись этой эпохи романтизма. Статья Бѣлинскаго, приложенная къ теперешнему изданію его стихотвореній, относится уже къ сороковымъ годамъ, къ третьему періоду развитія Бѣлинскаго, и у самого же Бѣлинскаго, въ „Наблюдатель“ 1839 года, найдется замѣтка о Полежаевѣ, написанная въ нѣсколько иномъ тонѣ, чѣмъ эта статья. Въ этой библиографической замѣткѣ, отличающейся необыкновеннымъ лиризмомъ, исполненной перваго упоенія, которое давали примирительныя формулы философіи Гегеля, проповѣдывалось, что поэтъ не есть воркующая горлица и т. д. Это мѣсто такъ извѣстно, что я не считаю нужнымъ прибѣгать къ выпискѣ. Идеаломъ поэта, поэтомъ по преимуществу, являлся для критика олимпійски спокойный Гёте, и между тѣмъ въ замѣткѣ Бѣлинскій прямо говоритъ то, чего не договариваетъ въ послѣдующей статьѣ,—что Полежаевъ „былъ рожденъ великимъ поэтомъ“. Важна здѣсь не самая эта мысль, которая, какъ всякая мысль, имѣетъ свою правильную и неправильную сторону, важна степень сочувствія критика къ поэту.

Сочувствіе перенеслось потомъ на другое явленіе, въ которомъ полнѣе и могущественнѣй выразились стихійно-тревожныя начала, волновавшія душу Полежаева, на Лермонтова, т.-е. нашло себѣ новую пищу, а не изсякло, не вымерло... Въ этомъ, если хотите, и заключается порѣшеніе вопроса о романтизмѣ и отношеніяхъ къ нему Бѣлинскаго, какъ въ эпилогѣ Тургеневскаго „Рудина“ заключается отчасти порѣшеніе вопроса о другомъ родѣ романтизма и отношеніяхъ къ нему критическаго сознанія въ нашу эпоху.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните пристальнѣе въ ту поэтическую фѣзіономію, которая встаетъ изъ-за отрывочныхъ, часто небрежныхъ, но мрачныхъ и пламенныхъ пѣсенъ Полежаева,—вы признаете то лицо, которое устами Лермонтовскаго Арбенина говорить:

На жизни я своей узналъ печать проклятыя,
И холодно закрылъ объята
Для чувствъ и счастья земли...

Только Лермонтовъ уже прямо и безтрепетно начинается съ того, чѣмъ безнадежно и отчаянно кончилъ Полежаевъ,—съ положительной невозможности процесса нравственнаго возрожденія. О чемъ Полежаевъ еще стонаетъ, если не плачетъ, о томъ Лермонтовъ говоритъ уже съ холодной и иронической тоской. Полежаевъ, рисуя мракъ и адъ собственнаго душевнаго міра, говоритъ:

Есть духи зла—неистовыя чада
Благословеннаго Творца,
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада,
А жизнь—мученье безъ конца.

и, описывая судь, совершившійся надъ падшими духами, кончаетъ такъ:

Съ тѣхъ поръ враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ,
И мучить ихъ и жечь безъ состраданья
Печать проклятыя на челѣ.
Напрасно ждуть преступныя свободы,
Они противны небесамъ—
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный вѣмѣамъ.

Лермонтовъ безъ страха и угрызений, съ ледяной ироніей становится на сторону тревожнаго, отрицательнаго начала въ своемъ „Демонѣ“ и въ своей „Сказкѣ для дѣтей“; онъ съ ядовитымъ наслажденіемъ идетъ объ руку съ мрачнымъ призракомъ, имъ же вызваннымъ: видитъ вмѣстѣ съ нимъ

. съ невольною отрадой,
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ...

ловить, какъ этотъ же зловѣщій призракъ,

. блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки,

подслушиваетъ „въ молитвахъ упрекъ“,

Въ бреду любви безстыдное желанье,
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье.

Состояніе духа, конечно, болѣе послѣдовательное, но едва ли не болѣе насильственное, нежели дрожь и знобъ страданія и страха, смѣшанные съ неукротимую страстностью и гордостью отчаянія, которые слышны въ Полежаевскихъ звукахъ...

Мрачныя, зловѣщія предчувствія, терзавшія душу Полежаева и вырывавшія изъ души его энергическіе стоны въ родѣ пьесы „Осужденный“, въ особенности ея начала,—

Я осужденъ къ позорной казни,
Меня законъ приговорилъ;
Но я печальный мракъ могилъ
На плахѣ встрѣчу безъ боязни,
Окончу дни мои какъ жилъ.
Къ чему раскаянье и слезы
Передъ безчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мнѣ слышать вопли и угрозы
И гулъ проклятій за собой?
Давно душой моей мятежной
Какой-то демонъ овладѣлъ,
И я зловѣщій мой удѣлъ,
Неотразимый, неизбѣжный,
Въ дали туманной усмотрѣлъ...
Не розы свѣтлаго Паеоса,
Не ласки Гурій въ тишинѣ,
Не искры яхонта въ винѣ,
Но смерть, сѣкиры и колеса
Всегда мнѣ грезились во снѣ.

Эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, звучащія стономъ и трепетомъ ужаса, совершенно понятны будутъ, если читатели припомнятъ выписку, сдѣланную мною въ началѣ сей статьи изъ глубокой по смыслу книги А. де Мюссе, и подумаютъ, какую аналогію съ эпохой, подъ вліяніемъ вѣянія которой воспитался Октавій, представляетъ эпоха, подъ вліяніемъ которой взросъ Полежаевъ... У Лермонтова также выдадутся впоследствии эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, но самый каинскій трепеть получить что-то и язвительное и вмѣстѣ могущественное въ стихотвореніи: „Не смѣйся надъ моею пророческой тоской“, или въ другомъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной...

У Лермонтова все оледенится, застынетъ въ суровой и жесткой гордости... Онъ съ наслажденіемъ будетъ вмѣстѣ съ своимъ Арсеніемъ, всматриваться въ смерть и разрушеніе:

Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлкахъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ
 И ткани паутинъ сѣдыхъ
 Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ...
 Тогда въ окнѣ свѣтлицы той
 Упалъ заката лучъ златой,
 Играя, на коверъ цвѣтной.
 Арсеній голову склонилъ...
 Но вдругъ затрясся, отскочилъ
 И вскрикнулъ, будто на змѣю
 Поставилъ онъ пята свою...
 Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
 Когда бь быстрѣй, чѣмъ мысль иль взглядъ,
 Въ него проникъ смертельный ядъ!
Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
 Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой;
Густая длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сужилъ костямъ
Кой-идь прилипла... и тамъ,
 Гдѣ сердце чистое такой
 Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь, жилище могилъ.

Уже и по одному такому многознаменательному мѣсту мы все были въ правѣ видѣть въ поэтѣ то, что онъ самъ въ себѣ провидѣлъ, т. е. „не Байрона, а другого, еще невѣдомаго избранника“, и притомъ „съ русскою душой“, ибо только русская душа способна до такой беспощаднѣйшей послѣдовательности мысли или чувства въ ихъ приложеніи на практикѣ; и отъ этой трагической, еще мрачной безтрепетности—одинъ только шагъ до простыхъ отношеній графа Толстого къ идеѣ смерти и до его беспощаднаго анализа этой идеи въ послѣднемъ его рассказѣ („Три смерти“), или даже до рассказовъ извѣстнаго рассказчика о смерти старухи или о плачѣ барыни о покойномъ мужѣ,—рассказовъ, въ которыхъ въ самой смерти уловлено и подмѣчено то, что въ ней можетъ быть комическаго... А между тѣмъ безтрепетность Лермонтова есть еще романтизмъ, выходитъ, какъ уже сказано, изъ состоянія духа болѣе послѣдовательнаго, но зато болѣе насильственнаго, чѣмъ настроеніе Полежаевское въ пѣсняхъ „Черная коса“, „Мертвая голова“ и проч.

Ледяное ироническое спокойствіе Лермонтова — только кора, которою покрылся романтизмъ, да и кора эта иногда спадаетъ, какъ, на примѣръ, въ пѣсняхъ „Къ ребенку“, „1-е января“, гдѣ поэтъ, измѣняя своей искусственной холодности, плачетъ искренно, уносясь въ своего рода „Dahin“, въ романтическій міръ воспоминаній:

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
 Забыться, памятью къ недавней старинѣ
 Лечу я вольной, вольной птицей;
 И вижу я себя ребенкомъ, и кругомъ
 Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
 И садъ съ разрушенной теплицей.
 Зеленой сѣтью травъ подернуть спящій прудъ,
 А за прудомъ село дымится, и встаютъ
 Вдали туманы надъ полями.
 Въ аллею темную вхожу я: сквозь кусты
 Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
 Шумятъ подъ робкими шагами.
 И странная тоска тѣснить ужъ грудь мою,
 Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
 Люблю мечты моей созданье,
 Съ глазами полными лазурнаго огня,
 Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
 За рощей первое сіянье!

Подобнаго рода порывы тоскующаго глубоко и искренно чувства, рѣдкіе у Лермонтова, постоянно встрѣчающіеся у Полежаева („Черные глаза“, „Зачѣмъ задумчивыхъ очей“), нашли для себя особенный голосъ въ послѣдствіи въ поэтѣ „Монологовъ“, „Дилижанса“ и другихъ, дышавшихъ глубокою и неподдѣльною скорбью, стихотвореній.

ХІІІ.

Романтизмъ и притомъ нашъ, русскій, въ наши самобытныя формы выработавшійся и отлившійся романтизмъ, былъ не простымъ литературнымъ, а жизненнымъ явленіемъ, цѣлою эпохой моральнаго развитія, — эпохой, имѣвшей свой особенный цвѣтъ, проводившей въ жизни особое воззрѣніе... Пусть романтическое вѣяніе пришло извнѣ, отъ западной жизни и западныхъ литературъ, — оно нашло въ русской натурѣ почву, готовую къ его воспріятію, и потому отразилось въ явленіяхъ совершенно оригинальныхъ. Ежели даже туманное и мистическое, какимъ было оно въ пѣсняхъ Жуковскаго, романтическое вѣяніе дошло въ русской натурѣ до безо-

щадно, хотя и бессознательно комической послѣдовательности въ повѣсти „Блаженство безумія“, романѣ „Аббадона“, до дикихъ рѣчей героевъ г. Кукольника; ежели таинственные призывы: *Dahin, dahin!* принятые совершенно просто за настоящее дѣло, свѣжею и малоспособною къ раздвоенію мысли и жизни русскою душою, прилагались прямо къ практикѣ и породили длинный рядъ самыхъ комическихъ и наивныхъ недѣльностей, которыхъ физиологію я уже изложилъ въ ея особенно рѣзкихъ чертахъ,—то тѣмъ болѣе перешло въ жизнь и практику романтическое вѣяніе въ тревожно-лихорадочномъ выраженіи своемъ, породило крайности дикія, но уже не смѣшныя, а печальныя, явленія уродливыя, но уже не комическія, а трагическія. Великая и цѣльная натура Пушкина, рѣшительно не поддававшаяся туманному вѣянію, какъ слишкомъ ясная и живая, подвергаясь вліянію стихійно-тревожнаго, боролась съ нимъ, увѣковѣчивая борьбу высокими созданіями, пыталась уходить отъ стихійно-тревожнаго въ разсудочныя и простодушныя воззрѣнія Ивана Петровича Бѣлкина, и опять будила въ себѣ страстные элементы, но будила ихъ—уже овладѣвая ими, возводя ихъ въ мѣру и гармонію. Пушкинъ года за три до своей смерти доходилъ уже дѣйствительно до какого-то олимпійскаго спокойствія и величія въ творествѣ, являлся властелиномъ и могучимъ заклинателемъ стихій самыхъ разнородныхъ. Рукописи, оставшіяся послѣ него и постепенно печатавшіяся по смерти поэта въ его „Современникѣ“, свидѣтельствовали ясно о такомъ полномъ развитіи творчества,—и понятно то почти языческое поклоненіе, которое возбудили эти отрывки или цѣльныя созданія въ душѣ Бѣлинскаго. Появленіе ихъ, этихъ посмертныхъ остатковъ великаго духа, совпадало притомъ у Бѣлинскаго съ новымъ фазисомъ его духовнаго развитія, съ новымъ романтизмомъ,—романтизмомъ гегелизма, котораго формы, таинственныя, какъ клинообразныя письмена, обѣщали такъ много успокоительнаго, такое разумное примиреніе съ дѣйствительностью... И вотъ опять по поводу явленія „Каменнаго гостя“ въ первомъ томѣ „Ста русскихъ литераторовъ“ является у Бѣлинскаго одна изъ этихъ неоцѣненныхъ страницъ, дышащихъ всею мощію, всѣмъ глубокимъ пониманіемъ прекраснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всею искренностью души, беззаветно отдавшейя новымъ вѣяніямъ, безповоротно откидывающей старыя формы, въ которыхъ она разубѣдилась, разочаровалась.

„Герой этой небольшой драмы,—говорит критикъ „Наблюдателя“,—Донъ-Хуанъ, тотъ самый, который является въ либретто знаменитой оперы Моцарта; но у Пушкина общаго съ этимъ либретто только имена дѣйствующихъ лицъ—Донъ-Хуана, Донны Анны, Лепорелло, а идея цѣлаго сознанія, его расположеніе, ходъ, завязка и развязка, положеніе персонажей—все это у Пушкина свое, оригинальное. Поэма помѣщена не болѣе какъ на *тридцати пяти* страницахъ и, несмотря на то, она есть цѣлое, законченное произведеніе творческаго генія, *художественная форма, вполне обнявшая безконечную идею, положенную въ ея основаніе*; гигантское созданіе великаго мастера, творческая рука котораго на этихъ бѣдныхъ *тридцати пяти* страничкахъ умѣла исчерпать великую идею всю до малѣйшаго оттѣнка... Просимъ не принимать нашихъ словъ за сужденіе; нѣтъ, они не сужденіе, они—звукъ, восклицанія, междометія... Сужденіе требуетъ спокойствія, *не того пошлаго разсудочнаго спокойствія, источникъ котораго есть мелкость и холодность души, недоступной для сильныхъ и глубокихъ впечатлѣній*,—нѣтъ, того спокойствія, которое дается полнымъ удовлетвореніемъ изящнымъ произведеніемъ, полнымъ воспріятіемъ его въ себя, полнымъ погруженіемъ въ таинство его организациі... Чтобы оцѣнить вполне великое созданіе искусства, разоблачить передъ читателемъ тайны его красоты, сдѣлать прозрачною для глазъ его форму, чтобы сквозь нее онъ могъ подсмотрѣть въ немъ великое таинство присутствія вѣчнаго духа жизни, ощутить его благоуханное вѣяніе, для этого требуется много, слишкомъ много, по крайней мѣрѣ гораздо больше, нежели сколько можемъ мы сдѣлать... Торжественно отказываемся отъ подобнаго подвига и признаемъ свое безсиліе для его совершенія... Но для насъ оставалось бы еще неизреченное блаженство—передать читателю наше личное, *субъективное* впечатлѣніе, пересказать ему, *какъ духъ нашъ, то замиралъ и изнемогалъ подъ тяжестью невыносимаго восторга, то мощно возставалъ и овладевалъ своимъ восторгомъ, когда передъ нимъ разверзалось на минуту царство безконечнаго*... Но мы не можемъ сдѣлать этого... *Мы увидѣли даль безъ границъ, любъ безъ дна и съ трепетомъ отступили назадъ*... Да, мы еще только изумлены, пріятно испуганы, и потому не въ силахъ даже отдать себѣ отчета въ собственныхъ ощущеніяхъ... Что такъ поразило насъ? Мы не знаемъ этого, но только предчувствуемъ это, и отъ этого предчувствія *дыханіе* *занимается въ груди нашей, и*

на глазах дрожат слезы трепетного восторга... Пушкинъ, Пушкинъ!... И тебя видѣли мы... Неужели тебя? Великій, неужели безвременная смерть твоя непременно нужна была для того, чтобы разгадали, кто былъ ты?" („Моск. Наблюд.“, 1839 г., № 3),

Анализъ натуры Бѣлинскаго есть анализъ нашего критическаго сознанія, по крайней мѣрѣ, въ извѣстную эпоху, какъ анализъ Пушкинской натуры есть анализъ всѣхъ творческихъ силъ нашей народной личности, по крайней мѣрѣ, на весьма долгое время, и читатели должны извинить меня въ моихъ безпрестанныхъ возвращеніяхъ къ Пушкину и Бѣлинскому, къ силѣ и къ сознанію.

Въ вышеприведенномъ отрывкѣ Бѣлинскій сказался точно такъ же весь, полно, ярко и искренно, какъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“; перемѣнились формы, расширились, съ одной стороны, и, можетъ быть, сузились, съ другой, точки зрѣнія, другое вѣяніе захватило душу, но душа съ ея стремленіями осталась та же. Это все тотъ же высокій и пламенно стремящійся къ правдѣ жизни и искусства духъ, съ страстной отзывчивостью на все великое и прекрасное, съ раздражительной преданностью впечатлѣніямъ, съ неощенной и наивной способностью противорѣчить себѣ, не замѣчая противорѣчій.

Что Бѣлинскій, увлеченный тогда новымъ вѣяніемъ гегелизма, воспринявшій въ себя полнѣе всѣхъ обаятельное вліяніе громадной логической системы, обѣщавшей на первый разъ обнять всю жизнь въ ея разумныхъ законахъ, остается тутъ все-таки романтикомъ, это очевидно. Пусть въ эту минуту онъ смотритъ уже съ яростною враждою на тревожную и судорожную французскую литературу, пусть онъ отвернулся съ презрѣніемъ неопита отъ кумировъ, которымъ за два, за три года поклонялся съ неистовствомъ жреца, пусть на романтическое круженіе глядитъ онъ уже съ олимпійской высоты новаго, еще для него таинственнаго, но увлекшаго его ученія, все-таки онъ здѣсь романтикъ, какъ останется романтикомъ и въ третьемъ періодѣ своего развитія. Преслѣдователь тревожнаго и судорожнаго, жрецъ новой, успокоительной философіи, философіи, оразумляющей дѣйствительность, враждуетъ романтически съ *разсудочностью*... Хотите ли выраженія еще болѣе рѣзкаго и наивнаго, этой вражды къ разсудочности, этого служенія тревожнымъ и страстнымъ началамъ? Перечтите въ томъ же „Наблюдателѣ“ зеленаго цвѣта, въ этомъ изданіи, полномъ свѣтлыхъ юношескихъ надеждъ, въ лагерѣ круж-

ка, воспитаннаго Станкевичемъ, въ „Наблюдатель“, который, какъ всѣ юношескія надежды,

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,

пламенную статью о воспитаніи, по поводу какихъ-то дѣтскихъ книжонокъ, статью, повторенную послѣ почти цѣликомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года.

„Разсудокъ, — говоритъ въ ней, между прочимъ Бѣлинскій, — когда онъ дѣйствуетъ въ этой сферѣ, есть такъ же искра Божія, какъ и разумъ, и возвышаетъ человѣка надъ всею остальною природою, какъ ступень сознанія; но когда разсудокъ вступаетъ въ права разума, тогда для человѣка гибнетъ все святое въ жизни, и жизнь перестаетъ быть таинствомъ, но дѣлается борьбою эгоистическихъ личностей, азартною игрою, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный, и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Разсудокъ, или то, что французы называютъ *le bon sens*, что они такъ уважаютъ и представителями чего они съ такою гордостью провозглашаютъ себя, разсудокъ уничтожаетъ все, что, выходя изъ сферы конечности, понятно для человѣка только силою благодати Божьей, силою откровенія; въ своемъ мишурномъ величіи онъ гордо попираетъ ногами все это, потому только, что онъ безсиленъ проникнуть въ таинство безконечнаго; *XVIII вѣкъ былъ именно вѣкомъ торжества разсудка, вѣкомъ, — когда все было переведено на ясныя, очевидныя и для всякаго доступныя понятія*“.

И черезъ нѣсколько строкъ:

„*Въ опредѣленіяхъ разсудка — смерть и неподвижность; въ опредѣленіяхъ разума жизнь и движеніе. Сознать можно только существующее; такъ неужели конечныя истины очевидности и ображенія опыта существеннѣе, нежели тѣ дивныя и таинственныя потребности, порыванія и движенія нашего духа, которыя мы называемъ чувствомъ, благодатью, откровеніемъ, просвѣтленіемъ?*“

Нужды нѣтъ, что въ это время Бѣлинскій вѣровалъ какъ дитя въ разумность всего дѣйствительнаго и былъ близокъ сознаніемъ къ знаменитымъ своимъ статьямъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года, гдѣ онъ съ наивною яростью подвизался за эту разумность вѣчной дѣйствительности, — онъ все тотъ же человѣкъ, который поклоняется въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ Феррагусу

и Монриво Бальзака, и скоро будетъ поклоняться новому, могущественному вѣянiю стихiйно-тревожнаго въ Лермонтовѣ, все тотъ же романтикъ, который и умереть романтикомъ!

Между тѣмъ въ сознании его, т.-е. въ нашемъ общемъ критическомъ сознании, совершился дѣйствительный, несомнѣнный переворотъ въ эту эпоху. Новыя силы, новыя вѣянiя могущественно влекли жизнь впередъ: эти силы были гегелизмъ, съ одной стороны, и поэзiя дѣйствительности, съ другой. Небольшой кружокъ не многимъ тогда, не всѣмъ еще и теперь извѣстнаго, но по влiянiю могущественнаго дѣятеля—Станкевича, кружокъ, изъ котораго прямо или косвенно вышли даровитѣйшiе представители мысли и науки конца тридцатыхъ и всѣхъ сороковыхъ годовъ, разливалъ на все молодое поколѣнiе,—я разумѣю то, что дѣйствительно стоило названiя молодого поколѣнiя, свѣтъ новаго ученiя. Это ученiе уже тѣмъ однимъ было замѣчательно и могуче, что манило и дразнило обѣщанiями осмыслить мiръ и жизнь, связать общими началами все то, что стихiйно разрознено, что искало себѣ сосредоточенiя,—и бушевало, кружилось, выхватывало у жизни жертвы за жертвами, вслѣдствiе совершенной потери мысленнаго и душевнаго центра, совершенно слѣпому подчиненiю тревожнымъ вѣянiямъ. Шеллингизмъ хотя имѣлъ у насъ даровитыхъ, глубокомысленныхъ и даже строго логическихъ представителей въ лицѣ И. В. Кирѣевскаго, Надеждина и Павлова, но онъ, въ первоначальной формѣ своей, завлекая своимъ таинственнымъ тождествомъ сознающаго *я* и сознаваемаго *не я*, приводилъ еп *définitive* къ стихiйному раздвоенiю, былъ узаконенiемъ, оправданiемъ этого раздвоенiя,—или, дѣйствуя другими, внѣшне-мистическими своими сторонами, увлекалъ благородныя ищущiя цѣльности, ищущiя успокоенiя и центра души въ какiя-то заоблачныя выси, гдѣ ихъ обманывали прозрачныя формы примиренiя въ прошедшемъ, въ отжитомъ мiрѣ... Новое ученiе смѣло ставило всеобъемлющiй принципъ, проводило его со строжайшею, желѣзною, логическою послѣдовательностью, дразня въ то же время душу своими отвлеченными таинственными сторонами...

Генрихъ Гейне сказалъ въ одной изъ своихъ книгъ, что Шеллингизмъ похожъ на iероглифы, которые издали кажутся изображенiями странныхъ, любопытныхъ животныхъ, а въ сущности ничего не значать, а Гегелизмъ, напротивъ, на клинообразныя письма, присмотрясь къ уродливости которыхъ видишь простыя

буквы, а буквами этими написаны самыя простыя, ясныя и здравыя истины. Это чрезвычайно остроумно, хоть и не совсѣмъ такъ, и по отношенію къ іероглифамъ, и по отношенію къ Шеллингизму. Но это больше чѣмъ остроумно, это—глубоко вѣрно, какъ выраженіе отношеній той эпохи къ двумъ ученіямъ!...

Съ другой стороны, явились новыя художественныя силы въ лицѣ Гоголя. Поэзія отрѣтила живыми образами на требованія жизни. Пусть эти образы были только отрицательные: въ ихъ отрицательности сказались новыя силы жизни, силы отвергнуть всѣ формы, оказавшіяся несостоятельными, разбить все фальшиво-героическое въ представленіяхъ души. Таковъ былъ отвѣтъ поэзіи на требованіе успокоеній и примиреній. Это былъ протестъ, какъ протестъ же скрывался и подъ клинообразными письменами Гегелизма, которыя сулили адентамъ-неофитамъ полное оразумленіе всего дѣйствительнаго!

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. Саводника.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

- Выпускъ 1-й. Автобіографія Апол. Григорьева: „Мои литературныя и прав-
ственные скитальчества“ (съ біографическимъ очеркомъ В. Са-
водника). Ц. 60 к.
- Выпускъ 2-й. Основанія органической критики (четыре статьи). Ц. 60 к.
- Выпускъ 3-й. Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти
Пушкина. Ц. 50 к.
- Выпускъ 4-й. Реализмъ и идеализмъ въ русской литературѣ. Ц. 15 к.
- Выпускъ 5-й. „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Ц. 15 к.
- Выпускъ 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина. Ц. 30 к.
- Выпускъ 7-й. Лермонтовъ и его направленіе. Ц. 35 к.
- Выпускъ 10-й. И. С. Тургеневъ и его литературная дѣятельность. Ц. 50 к.
- Выпускъ 11-й. О національномъ значеніи творчества А. Н. Островскаго.
Ц. 30 к.
- Выпускъ 13-й. Поэзія Некрасова. Ц. 25 к.
- Выпускъ 14-й. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкаль-
ной стороны. Ц. 30 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени:

- Выпускъ 8-й. Гоголь и его „Переписка съ друзьями“.
- Выпускъ 9-й. Русская литература въ серединѣ XIX вѣка (Бѣлинскій и
его „историческая критика“).
- Выпускъ 12-й. Раннія произведенія гр. Л. Н. Толстого.